

Как это началось

— Мне сегодня ночью будет жутко одной на озере, — сказала Феня. — Моя сменщица Катя простудилась, не может дежурить.

— Возьми Алексея, — посоветовала мать, — всё-таки живая душа.

Лёня тут же бросил чурку, которую обстругивал ножом. Он хотел сделать ракету и слетать на Луну. Но если надо идти на озеро, то он готов.

Мать велела ему захватить одежонку, потому что вечером на озере холодно. А Фене подала корзиночку с едой.

— На двоих еды давай, — сказал Лёня, — а то вдруг не хватит!

— На троих дала, — успокоила его мать, — только смотрите за утками хорошенько, рот не разевайте.

— Не разинем, — ответил Лёня.

И первым вышел на улицу. Он ведь и без сестры знал, где озеро.

Что сказали утки

Феня и Лёня пришли к озеру, сели в лодку и переплыли на другой берег.

Тут на берегу, на прибрежном песке, толпилось множество белых уток.

Они были такие белые, словно только что выкупались в сметане.

— Штук сто будет, — сказал Лёня. — Сейчас сосчитаю.

— Лучше и не берись, — ответила Феня, — их не сто штук, а сто раз по сто. Ты до стольких и считать не умеешь.

Феня пошла в кладовую готовить уткам корм. А Лёня уселся на берегу и стал смотреть на уток.

Утки не обращали на него внимания. Одни дремали на тёплом песке, другие качались на воде, на светлых зыбульках, третьи ныряли под воду, ловили кого-то... И всё время что-то лопотали, переговаривались между собой.

— Эх, скучища! — вздохнул Лёня. — И чего тут делать, на озере? Искупаться, что ли?

В это время к воде подбежала одна уточка и закричала:

— Не уплывайте далеко, не уплывайте! Это опасно!

— Почему? Что такое? — затревожились утки и столпились вокруг неё.

Уточка оглянулась на воду и негромко сказала:

— Говорят, в озере появилась выдра!

— Где выдра? — спросил Лёня.

Уточка опять оглянулась на озеро:

— Говорят, около острова!

— Эх! — сказал Лёня. — Дремать некогда.

Он встал, подбежал к лодке и столкнул её на воду.

Феня вышла из кладовой.

— Куда это ты собрался? — закричала она.

— В озере выдра появилась! — ответил Лёня. — Еду на остров выдру искать!

— Да кто это тебе сказал?

— Утки сказали!

— Уже придумал! Никакой выдры здесь нет. И смотри, опрокинешь лодку — тебе достанется!

Лёня взял весло и поплыл на остров искать выдру. Лодочка была лёгкая и сама шла по гладкой воде.

Лёне встретился кто-то ласковый

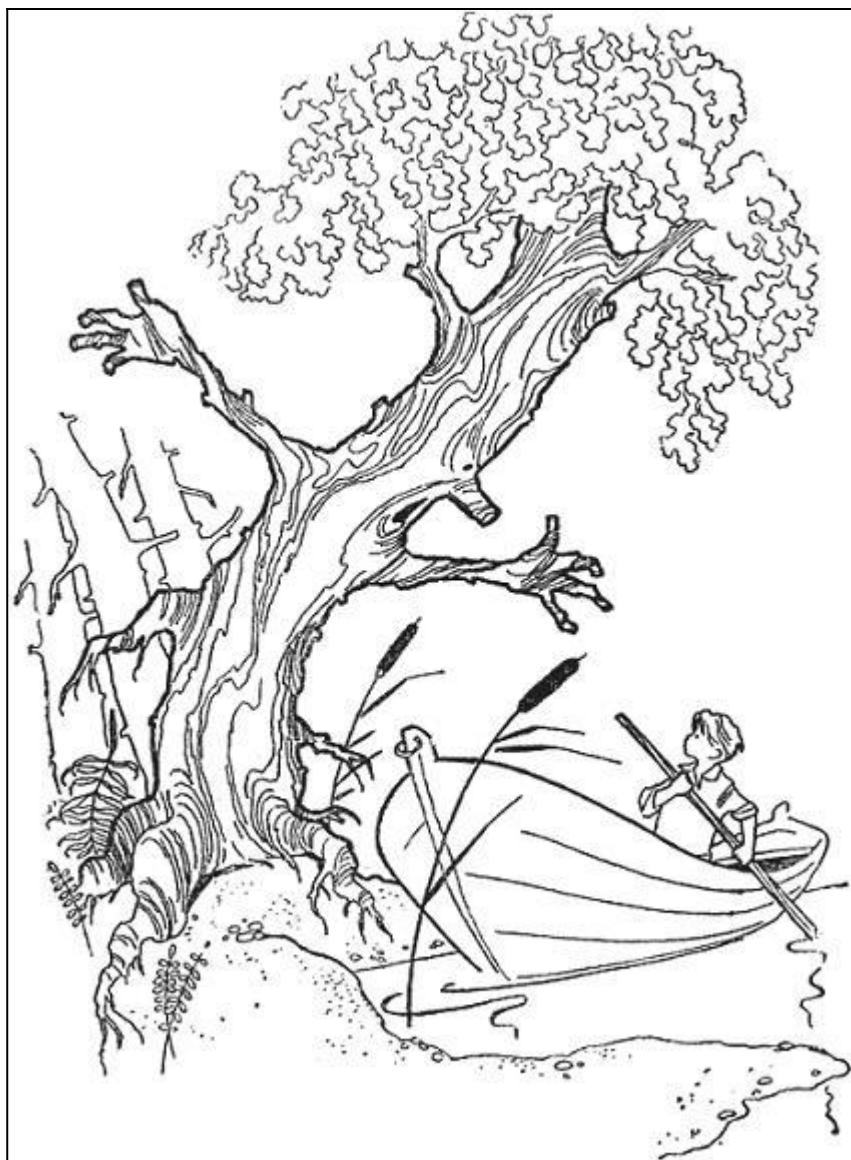
Островок был совсем маленький. Но деревья здесь толпились так тесно, словно лучшего места они не нашли на всей земле.

Лёня привязал лодку и шагнул было на берег. Но тут зашумели камыши, зашелестели кусты:

— Не пропускайте его! Не пропускайте его!

Камыши легли на берег, загородили дорогу. Кусты протянули друг к другу ветки, словно за руки взялись.

А деревья раскинули кроны, и стало на острове совсем темно.

— Почему вы не пропускаете меня? — спросил Лёня.

— Ты будешь разводить костёр, — зашелестели кусты, — ты сделаешь пожар! Мальчишки всегда делают пожары!

— Вовсе нет! — сказал Лёня. — У меня даже и спичек-то нету!

— Значит, ты будешь вырезать удочки и губить молодые деревца! — зашумели деревья. — Мы с таким трудом растим свои ветки, свои листья и цветы, а вот такие мальчишки приходят и губят нас!

— И тоже нет! — сказал Лёня. — У меня и ножика-то нету!

— А тогда зачем же ты пришёл? — зашуршали камыши. — Искать птичьи гнёзда в наших зарослях?

— Я не птичьи гнёзда пришёл искать, — сказал Лёня, — я хочу поймать выдру. Она здесь, на острове. Утки боятся её. И правильно, что боятся. Она ведь хватает их за ноги и утаскивает под воду!

— А!.. А!.. А!.. — весело прошумели камыши, кусты и деревья. — Тогда иди!

Камыши выпрямились, кусты приподняли ветки, деревья подняли кроны, и на острове стало совсем светло.

— Только вот не знаю, какая она, — сказал Лёня. — Я её никогда, эту выдру, не видел. Может, вы мне скажете?

— Не можем сказать, — прошелестело кругом, — мы сами её не знаем. Зайцев знаем, лисиц знаем, а выдры не знаем!

— Ну ничего, — сказал Лёня, — как встречу её, так сразу узнаю!

И Лёня вошёл в чащу.

Не прошёл Лёня и десяти шагов, как увидел какого-то милого зверька. Этот зверёк сидел на старом пне. Одет он был в тёмно-бурую шубку; пушистый хвост красиво лежал у ног, а маленькие глазки весело блестели.

— Здравствуй, Лёня, — сказал зверёк. — Нравится тебе у меня на острове?

— Очень даже, — сказал Лёня. — А откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Слышал, как тебя сестра называла.

— А это что — твой остров?

— Да. Это мой остров.

— Ты здесь родился?

— Н-нет, я не здесь родился. Я просто сюда пришёл и стал здесь жить. И это стал мой остров.

— А как тебя зовут?

— Ардыв.

— Как, как? Ардыв?

— Ну да. А чего ты так удивился? Тебе не нравится?

Лёня постеснялся сказать, что такое имя ему не нравится.

— Конечно... Всякие имена бывают. Только кто же тебя так назвал?

— А я сам себя так назвал. Ты скажешь, что мы, звери, не умеем придумывать хорошие имена? Ну, уж если бы ты знал, как меня люди называли, так... Тьфу, даже вспоминать не хочу!

— А где же ты здесь живёшь? — спросил Лёня. — Что ты ешь в лесу?

— Живу в своей норе, как все хорошие звери. А ем... Хи-хи... Я ем землянику. Ты любишь землянику?

— А кто ж её не любит!

Зверёк прыгнул с пенька.

— Тогда я тебе покажу полянку — вся красная от земляники, ступить негде! Пойдём?

— Нет, — сказал Лёня, — я сейчас не могу. Я выдру ищу.

Зверёк посмотрел Лёне в глаза:

— А зачем она тебе?

— Как — зачем? Ведь она злой разбойник! Она рыбу в озере ловит, птичьи гнёзда разоряет... А самое главное, уток хватает за ноги — и под воду! Да смотри, и тебе несдобровать. Утащит в воду,

а ты небось и плавать не умеешь.

— Не умею, не умею! Я и воды до смерти боюсь!

Тут зверёк начал ластиться к Лёне, начал тереться своей мягкой шкуркой о его ноги.

— Спасибо, что сказал! А если ты найдёшь эту выдру, тогда что?

— Скажу охотникам. Они придут и убьют её. Мне бы только узнать, где она живёт.

— Тогда я тебе помогу, Лёня. Как придёт выдра, я тебе свистну. Вот так: фью-фью!.. — Зверёк посвистел нежно, как птица. — Так что ты спи спокойно. Если не слышишь моего свиста — значит, никакой опасности нет. Я у тебя буду вроде сторожа. Подумайте только — рыбу ловит, уток за ноги хватает! Вот разбойница! А? И знаешь — ты её сейчас не ищи, она теперь нырнула в воду и сидит там.

— А ты в воду можешь нырять?

— Я? — Зверёк оглядел свою мягкую шубку, свой длинный хвост. — Хи-хи! Я боюсь даже лапы замочить!

— А однако, ты, Абрыв, всё-таки свои лапы замочил где-то, — сказал Лёня. — Вон на пне мокрые следы остались!

— Во-первых, я не Абрыв. Я — Ардыв. А во-вторых, я просто нечаянно попал в лужу.

Зверёк свистнул, прыгнул в чащу.

— Значит, жди, когда я сигнал подам!

— Ладно, — ответил ему Лёня.

Он вернулся к лодке, сел в неё и переправился на свой берег.

— Ну что, нашёл выдру? — спросила Феня.

— Нет, — сказал Лёня, — выдру я не нашёл, но зато встретил одного зверька, Ардыв его зовут. Ох и умный же! Он у нас вроде сторожа будет. Как выдра появится, так он мне свистнет с того берега. Теперь уткам бояться нечего.

— Как, ты сказал, его зовут?

— Ардыв.

— Эх, и выдумщик ты, Алексей! — вздохнула Феня. — И когда ты станешь серьёзным человеком? Зверьков с таким именем вообще на свете нет. Пойдём, помоги мне постилку сменить, надо свежей соломы притащить, а то утки обидятся.

Полёт в космос

Лёня помогал Фене таскать солому под навес. Солома была лёгкая, сухая и вся блестела на солнце. Она щекотала шею, царапала руки. Но зато постель для уток получилась пышная, мягкая. И, уж конечно, утки скажут Лёне спасибо. Они очень не любят спать на сырой постилке. Они заболеть могут, если постилка будет сырая и грязная. И даже умереть от этого могут. Вот какие они нежные!

Под навесом стало светло от жёлтой соломы, будто в этой соломе запуталось солнце. И, прежде чем пришли отдыхать утки, Лёня сам повалялся и покувыркался на их постели.

В это время на птичник прибежала Аринка, бригадирова дочка.

— Меня отец прислал, — сказала она Фене. — Он спрашивает: как ты здесь одна справляешься? И не нужна ли тебе помощь?

Феня засмеялась.

— Нет, Аринка, — ответила Феня, — мне помощь не нужна, потому что у меня уже есть помощник.

— Кто помощник?

— Я помощник! — закричал Лёня.

— Вот так помощник — весь-то в соломе! — сказала Аринка. — И в волосах солома!

— Ну и что же? — ответил Лёня. — Я уткам постель стелил.

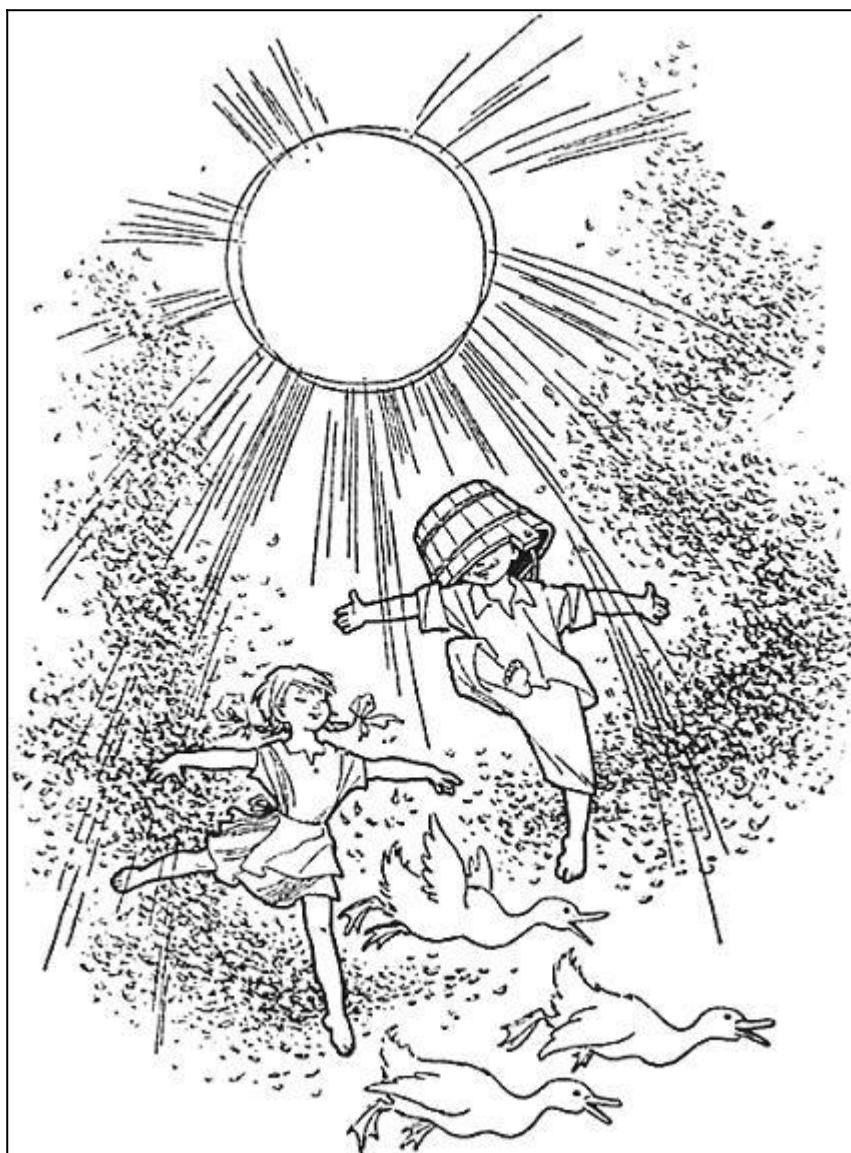
Аринка оглянулась. По всему берегу — утки, в воде на озере — полно солнца. Весело!

- А давай я тебе, Феня, тоже помогать стану, — попросила Аринка. — Я хочу с тобой уток кормить.
 — Пожалуйста, — сказала Феня, — очень рада буду. Позову, когда понадобится, а пока поиграйте.
 — А как нам играть? — спросила Аринка.
 — Я не буду играть, — сказал Лёня. — Я не маленький, Если хочешь, полетим в космос.
 — Куда-куда?
 — В космос. На ракете. Неужели в первый раз слышишь?
 — А где ракета?

Лёня оглянулся. Возле кормушки стояла белая бадейка. В этой бадейке Феня разносила уткам еду. Но утки любят, чтобы посуда была чистая, и Феня только что вымыла её и поставила на солнышко просохнуть.

Лёня схватил бадейку, надел себе на голову:

— Вот и шлем. А ракета — будто бы есть.

- А мне? — спросила Аринка.
 — И у тебя ракета будто бы.
 — А шлем? Тоже будто бы?
 — Конечно. Приготовиться! Даю старт!

Лёня махнул рукой, дал старт, и вдруг они оба с Аринкой взлетели под самые облака. Ох и раздолье же! Ох и веселье же тут началось! Лёня и Аринка летели в своих ракетах, а вокруг них крутились вихри, пухом разлетались облака.

- Внимание! Внимание! — Лёня давал позывные. — Я — Орёл, я — Орёл! Синица, ты меня слышишь?
- Я — Синица! Я — Синица! — из неизвестной дали отвечала Аринка. — Я тебя слышу!
- Синица, ты землю видишь?
- Не вижу! Кругом облака!
- А я вижу. Земля — голубой шар! Синица, лети выше!
- Лечу выше! Я тоже вижу: земля — голубой шар!
- Синица, а у тебя невесомость есть?
- Какая невесомость?
- Ну, когда ничего не вешишь! Вниз головой ходить можешь?
- Нет.
- Тогда поднимайся выше!
- Поднимаюсь!
- Облака внизу?
- Внизу!
- Синица! Я — Орёл. Давай спустимся на облачко, отдохнём!
- Ой, давай отдохнём, Орёл!
- Лёня и Аринка опустились на облако и сразу утонули в нём по колено.
- Из чего это облако, из ваты, что ли? — спросила Аринка.
- Из утиноного пуха, — ответил Лёня. — Эх и мягко!

Они сидели на белом облачке и плыли по небу, как по голубой воде. А солнце так и обливало их теплом и светом, и спрятаться от него некуда!

— Даю старт! — крикнул Лёня. — В космос!

И они снова понеслись.

А вихри так и крутились вокруг, и белые облака опять разлетались пухом.

— Во, чегой-то они! — сказал вдруг где-то рядом грубый голос. — Носятся как угорелые, а у этого ещё и бадья на голове!

И сразу Лёня и Аринка очутились на земле. На самой обыкновенной твёрдой земле, на тёмном, сыром песке. И вокруг не белые облака летели пухом, а летел пух с тополей, самый обыкновенный тополиный пух...

А у калитки стоял Корней, Аринкин брат. Он был очень умный и всегда всё знал.

— Мы были в космосе! — сказала Аринка.

— Вы носились по берегу и пугали уток, — сказал Корней, — а больше ничего не было.

— Ты же не видел! — закричал Лёня. — Ты же не знаешь!

— Ха-ха! — засмеялся Корней грубым смехом. — А ты что видел в своей бадейке?

Лёня поставил бадейку около кормушки. Ему сразу стало скучно. Так скучно, что хоть плачь. И почему это ему стало так скучно? Ведь Корней правду сказал. Какой же это шлем, если это просто белая бадейка!

Но подумал, нахмурился и сказал сам себе:

«А всё-таки у меня был шлем. Был!»

Разбойник где-то близко

— Сейчас будем обедать, — сказала Феня, — а вы, ребята, пока бегите на озеро да вымойте руки хорошенько. И как это вас в космос с такими руками пускают!

Лёня посмотрел на свои руки. Да, правда грязные. И когда успели загрязниться? Может, когда по острову лазал? Может, когда солому стелил?

— У меня почище, — сказала Аринка. — Ну, всё равно, пошли на озеро!

— У меня чистые, — сказал Корней. — Я на озеро не пойду.

Лёня и Аринка подбежали к воде.

— Нет, тут нехорошо, — сказала Аринка, — здесь утки намутили.

— Да, мы намутили, — сказала одна крупная белая утка. — Мы теперь ныряем только около берега.

— Слышишь? — прошептал Лёня и поглядел на Аринку.

— А что?

— Что утка говорит?
— Утка?
— Да, я говорю, — продолжала утка. — Кто-то обещал нам поймать выдру...
— Да, слышу!.. — прошептала Аринка. — Как же это?
— А что ж такого? — ответил Лёня. — Они здесь постоянно разговаривают. — И, обратившись к утке, сказал: — Это я обещал. И поймаю. Как появится — так и поймаю.
— Она появилась, — прошипела утка, — она ловит рыбу. Съест одну, а поймает десять. А потом бросает их. И всё зря... зря... зря...
— Чего вы стоите тут? — крикнул Корней своим грубым голосом (его Феня тоже послала мыть руки). — Уток не видали?
— Тише! — рассердилась Аринка. — Ты не слышишь, что утка говорит?
— Ха-ха! Слышу, не глухой. «Кря-кря-кря!..» — вот что она говорит!
— Кря... кря... кря... — сказала утка и тихонько уплыла прочь.
Аринка и Лёня переглянулись.
— Пойдём дальше, — сказала Аринка, — здесь вода мутная!
— Подумаешь! — сказал Корней. — Вода как вода, — и стал умываться.
А Лёня и Аринка побежали дальше по берегу. Побежали туда, где кончалась проволочная загородка, где на жёлтом песке ни одной утки не было и вода светилась до самого дна и тихо покачивала на волне лучистое солнышко.
Лёня и Аринка вошли в тёплую воду. Они доставали со дна горсти зернистого песка и тёрли им ладони вместо щётки. Потом рвали на берегу круглые листья с байковой подкладочкой и тёрли ими руки вместо мочалки. А потом полоскали руки в прозрачной воде.
— Хватит, — сказал наконец Лёня.
— Хватит, — повторила Аринка.
Она оглянулась — чем бы руки вытереть? И вдруг увидела на берегу рыбу.
— Смотри-ка! Рыба!
Рыба лежала неподвижно. Она была вся целая, только на спинке кто-то выгрыз мягкий кусочек.
— Выдра! — сказал Лёня. — Это она ловит и бросает, губит рыбу зря!.. Разбойник где-то близко!
— Так чего же ты не ловишь эту выдру? — сердито крикнула Аринка. — Ты же обещал! Смотри, вон ещё рыбина лежит!..
— А вон ещё... — сказал Лёня. — Ещё две...
— Какая противная, злая! — Аринка почти плакала. — Если бы хотела есть, так ела бы!.. А то ведь даже есть не хотела! А так, от жадности! Где же твой сторож?
— Где же мой сторож? — повторил Лёня и посмотрел на остров. — Что же он мне не свистит?
— Спит твой сторож, и всё! — сказала Аринка. — Спит и ничего не видит.
— Я не сплю, хи-хи!. Я не сплю!.. — услышался ласковый голосок, и круглая мордочка с круглыми ушками высунулась из-под калинового куста.
— Ардыв! — обрадовался Лёня. — Ты здесь?
— Я случайно бежал мимо и услышал ваш разговор, — сказал Ардыв. — Хи-хи! Я не сплю. Никакой выдры нет.
— А рыба? — сказала Аринка.
— Хи-хи! Рыбу клевали вороны. Я сам видел. Зачем было рыбе выплывать на мелкое и греться на солнце? Вороны не зевают! Они даже уток заклевать могут. Молоденьких уток. Фью-фью!.. Очень просто!
— Вороны?!
— Хи-хи! Конечно. Их большая семья поселилась возле птичника. Я сам видел!
— Ардыв, поиграй с нами! — сказала Аринка. — Мне хочется тебя погладить...
— Нет, не могу... — сказал Ардыв и ещё глубже запрятался в куст. — Я пойду спать. Мне ведь ночью сторожить нужно. И шубку почистить надо. Дела, знаете. Хи-хи! До свидания!
Зверёк исчез.

— Как жалко, что ушёл Ардыв! — сказала Аринка. — Он очень хорошенький. У него белое пятнышко на нижней губе. Ты заметил?

— Конечно. Я ещё раньше видел.

— Только почему это он всё встряхивался? Купался он, что ли?

— Что ты! — Лёня махнул рукой. — Он даже лапы-то боится замочить!

— Лёня... а может, это он ел рыбу?

— Что ты! Он, кроме земляники, ничего не ест!

— Да, — согласилась Аринка, — он такой ласковый. Разве он мог бы загрызть кого-нибудь?

Феня издали позвала их:

— Обедать! Обедать! Обедать!

— Идем! — в один голос ответили Лёня и Аринка и припустились наперегонки к вагончику.

— А к нам Ардыв приходил! — кричала Аринка. — Он с нами разговаривал!..

— Ох! — вздохнула Феня. — Раньше один придумывал, теперь двое взяли! Может, и ты с ними вместе начнёшь придумывать? — сказала она Корнею.

— Не! — Корней выпятил нижнюю губу и потряс головой. — Вот ещё! Дурак я, что ли? Я небось умный. У меня утки не заговорят!

Уткам такой обед не понравился

Горячая картошка так и рассыпалась в миске, малосольные огурцы пахли укропом и хрустели на зубах. Яйца, помидоры, молоко — всё очень скоро исчезло из Фениной корзинки. Так вкусно ребята ещё никогда не обедали!

— И почему это? — удивилась Аринка. — Дома и суп, и мясо. А мне есть не хочется. А вот здесь, на берегу, — ох и вкусно всё!

— А потому, что этот берег волшебный, — сказал Лёня.

— Ха-ха! Волшебный! — Корней повалился на траву от смеха. — Ха-ха!

Но Лёня и Аринка даже не поглядели на него.

— Около птичника вороны поселились, — сказал Лёня Фене, — целая семья!

— И они могут молодых уточек заклевать, — сказала Аринка, — рыбку уже заклевали!

— Расскажите всё по порядку, — попросила Феня.

Лёня и Аринка рассказали. И про Ардыва тоже.

— Ну, вашего Ардыва вы возьмите себе, — сказала Феня, — а вот то, что рыба загрызенная лежит... Нет, ребята, вороны её не могли в озере заклевать. Рыбу загрызла выдра.

— А что же, значит, Ардыв врёт? — обиделся Лёня.

Но Аринка вспомнила про утку:

— А что утка говорила? Значит, утка врёт?

— Ох, не забивайте мне голову! — сказала Феня. — Вечер близко, опасности кругом — и выдра и вороны, — а вы всё со сказками своими!

— Да, вечер скоро, — сказал Корней. — Я, пожалуй, домой пойду. Чего тут, на озере-то? Солнце сядет — холодно. Дома лучше. Аринка, пошли!

Аринка отвернулась:

— Иди, пожалуйста. Я уток стеречь буду.

— Ну, и застынешь ночью.

— Ну, и застыну. Опасность кругом, а я домой пойду?

— А я не дурак. Я небось умный. Я спать под тёплым одеялом люблю.

— Послушай-ка меня, Корней-Всех-Умней, — сказала Феня, — передай отцу, что комбикорм у нас кончился. Должны были привезти сегодня, а вот не привезли. Пускай бригадир распорядится.

— Ладно, скажу.

Корней ушёл.

— А мы с вами сейчас будем уток кормить, — сказала Феня. — Ну-ка, пошли вертеть корморезку!

— Опять кормить? — удивилась Аринка. — Ты же их недавно кормила! Ты их целый день кормишь!

— Пусть едят, — сказала Феня. — Чем больше едят, тем скорей растут.

Сначала Феня вертела корморезку, а Лёня и Аринка подавали в машину молодую, зелёную кукурузу. Потом Лёня с Аринкой вертели, а Феня подавала. Сочные стебли хрустели под ножами. А когда выходили из-под ножей, то из них получалась сочная зелёная каша. Целый ворох зелёной каши!

— Ах, беда какая, — сказала Феня, — нет и нет комбикорма.

— А что там, в этом коммикорме? — спросил Лёня. — Что, без этого коммикорма уткам жить нельзя, что ли?

— Эх, вы! А ещё в космос летаете! Не коммикорм, а комбикорм — комбинированный корм. Ну, значит, составленный из разных кормов. Тут и витамины и минералы — всё, что утке нужно. А если одной болтушкой кормить, заскучают наши утки, заболеют... Это вы всё знать должны — вы же не белоручки какие-нибудь, вам ведь тоже работать придётся!

— А мы и сейчас будем работать! — сказал Лёня.

Он схватил корзинку, нагрёб в неё зелёной каши и понёс в кормушки уткам. А утки уже поджидали его. Они бросились клевать — им нравилась эта зелёная каша.

— Вкусно, вкусно! — приговаривали они. — Нам очень нужна зелень. Если бы мы были дикие, мы бы сами находили зелени сколько хотели. Но ведь мы в загоне, здесь один песок. Где же мы найдём зелень? А нам очень нужно.

— Вот и ешьте на здоровье, — сказал им Лёня. — Сейчас ещё принесу.

— Но, между прочим, сегодня обед был опять очень плохой, — скучным голосом сказала одна молодая уточка. — В кормах совсем нет рыбной муки. И жома свекловичного нет. И жмыха нет...

— Да, вот уже сколько дней всё одно и то же! — сказала другая. — А где кальций? Неужели на земле мела не стало?

— Разве Феня хочет, чтобы мы какими-то рахитиками стали? — сказала третья. — Разве она не знает, что без кальция у нас косточки станут совсем хрупкие?

— И соли нам нужно, и соли! — подхватила четвёртая.

— Феня всё знает! — поспешно ответил Лёня. — Завтра будет у нас комбикорм — и мел, и жмых, и рыбная мука. Всё будет!..

Вскоре наступил вечер. Утки стали потихоньку собираться под навес. Они ложились рядышком на мягкую солому, будто пирожки в печке.

Тихо стало на берегу. Песок потемнел, и вода потемнела. Феня зажгла свет в вагончике.

— Утки спать легли, и вы ложитесь, — сказала Феня. — Ты, Аринка, лезь на верхнюю полку, там потеплее, а ты, Лёня, ложись на нижнюю.

— А ты где? — спросил Лёня.

— А я буду на берегу. Мне спать нельзя — надо уток охранять.

— Мы сами будем охранять, — сказал Лёня, — а ты спать ложись.

— А когда ты поспишь, мы ляжем, — сказала Аринка. — Я сейчас совсем спать не хочу.

— Хорошо, — согласилась Феня. — Только сторожите внимательно, не дремлите.

— Да уж не задремлем!

Феня легла спать. А Лёня и Аринка пошли охранять уток.

В гостях у самого учёного Пугала

Вода в озере лежала тихо, не шумела. И деревья на острове стояли тихо. А над деревьями тихо светилась жёлтая заря.

— Ещё ночь не наступила, а как-то страшно, — прошептала Аринка.

— Ничего не страшно! — громким голосом ответил Лёня. — Вон и месяц всходит, никакой темноты нет.

Они шли вдвоём по берегу, песок скрипел у них под ногами. Утки поднимали голову, прислушивались и тихонько переговаривались:

— Свои ходят. Это Лёня и Аринка нас охраняют. Спите... Лёня и Аринка здесь... С нами. Спите...

— Ой, Лёня, — вдруг сказала Аринка, — кто это там на бугре стоит?

— Где?

— Ну, около самого птичника! Ну вон же он, в шапке!

Лёня пригляделся:

— Да это же наше Пугало! Неужели не узнала?

— Лёня, это не Пугало. Это человек. Он руками шевелит!

— Руками! А есть у него руки-то? Пойдём к нему.

Лёня зашагал туда, где на высоком бугорке стояло Пугало. Аринка не знала, что делать. Идти к Пугалу страшно. Остаться одной — ещё страшней. Аринка бросилась догонять Лёню.

Да, это и в самом деле было Пугало. Аринка видела его днём — обыкновенная крестовина, на ней чей-то рваный пиджак, вместо головы — чья-то старая шапка. Его поставили сюда, чтобы пугать ворон.

Лёня и Аринка взбежали на бугор.

— Смотри, как здорово! — сказал Лёня. — Самое правильное место для Пугала — отсюда всё кругом видно, и Пугало всем видно.

— Здравствуй, Пугало! — крикнула Аринка. — Я тебя больше не боюсь!

— Здравствуй, — проскрипело Пугало. — А меня никто не боится.

Лёня и Аринка переглянулись. Пугало-то их видит и слышит!

— Мы хотим около тебя посидеть, — сказал Лёня, — ничего?

— Очень буду радо, — ответило Пугало. — Мне так скучно одному! Особенно по ночам. Здесь лежит брёвнышко, садитесь.

Лёня и Аринка уселись.

— И почему это люди всегда оставляют Пугало в одиночестве? Ставили бы нас по два, по три. И вороны больше боялись бы, и нам не было бы так скучно. Днём-то ничего, днём работа. Глядишь, хищник какой появился, начнёшь пугать его — машешь рукавами изо всех сил. Только к рукавам они скоро привыкают. Вот если бы голос мне погромче, я бы крикнул! Или хотя бы две ноги — я бы побежал, прогнал, а на одной ноге куда?

— Да, правда, — сказала Аринка, — очень плохо на одной ноге!

— Вот и люди тоже, особенно взрослые, — чудные такие. Другой раз вижу что-нибудь неладное, скриплю-скриплю, они ничего не слышат. Вижу другой раз — слабую утку забивают, щиплют. Я скриплю: «Возьмите скорей, отсадите её, спасите, она пропадёт!» Не слышат. Или замечу — постилка сырая, опять скриплю: «Смените скорее постилку, заболели утки, плохо им, погибнут они!» Не слышат. А как-то услышали меня, зоотехник услышал. И что же? «Это кто здесь раскрипелся? — говорит, да так сердито. — Это Пугало скрипит, что ли? Ему всё плохо? Оно всем недоволено? Сломать его да забросить!» И не поспоришь. Так вот помашешь рукавами да поскрипишь без толку. А ведь сердцевина-то болит!

— Ты очень хорошее, Пугало, — сказал Лёня, — жаль, что я раньше с тобой не поговорил.

— И вот поставили меня на самом высоком бугре. А мне отсюда всё видно. Лучше поставили бы меня куда-нибудь в ложбину. Стояло бы я там и не видело бы ничего. И сердцевина у меня не болела бы.

— Мы к тебе приходим будем, — сказала Аринка, — по вечерам. И тебе и нам будет весело!

— Очень хорошо! — нежно проскрипело Пугало. — Вечера сейчас звёздные. Вот, смотрите, Большая Медведица взошла. И Орион.

— Чего?! — удивились Лёня и Аринка. — О чём ты говоришь?

— О созвездиях я говорю. Большая Медведица — это созвездие, вот оно, в виде ковша. Из семи

звёзд. А вот эти три звезды, яркие такие, белые звёзды, — это пояс Ориона. Тоже созвездие такое. А вон там — Марс.

— А какая это звезда — Марс? — спросил Лёня. — Ты нам её показать можешь?

— Могу. Вот она. Красноватая такая. Видите? Над лесом висит. Только это не звезда, а планета, — ответило Пугало.

— Как так — планета?

— Такая же, как Земля. Только поменьше.

— Ты путаешь что-то. Земля не светится. А Марс вон как светится!

— И Марс не светится. Это его Солнце освещает.

— Ой, Пугало, что ты говоришь! — засмеялась Аринка. — Откуда же Солнце? Ведь сейчас ночь и никакого Солнца на небе нет!

— У нас нет, — прервал ее Лёня, — а где-нибудь оно есть же? Оттуда и светит.

— А почему Марс красный? — спросила Аринка.

— Ну этого я не знаю, — ответило Пугало. — Я ведь только то говорю, что учёные люди говорят. А они говорят, на Марсе кто-то живёт, есть каналы там. И растения какие-то. А растения эти то голубыми становятся, то красными.

— Да откуда ты всё это знаешь? — спросил Лёня. — Стоишь здесь на птичнике, один...

— Хм!.. — усмехнулось Пугало. — Очень просто. Феня набила мне в шапку газет, чтобы шапка лучше держалась. Так что в голове у меня теперь полно всякого космоса. Когда запустили ракету на Марс, об этом люди много писали.

— А-а! — сказал Лёня. — Это здорово! Вот если бы мне набили в голову всяких задачников, всяких примеров! Тогда и уроки учить не надо бы!

— А мне бы стихов! — сказала Аринка. — А то велят учить стихи, а я их никак не запоминаю.

— Хм! — усмехнулось опять Пугало. — У меня и стихи есть. Хотите, прочту? Впрочем, тс-с-с-с!..

Все сразу примолкли, прислушались.

— Мне показалось, будто по озеру волна прошла...

Лёня и Аринка вскочили. Всё было тихо. Но вдруг заговорили, зашумели спросонок утки.

— Что-то неладно! — резко скрипнуло Пугало. — Бегите!

Лёня и Аринка помчались с бугра изо всех сил. А Пугало стояло и махало рукавами им вслед, скрипело и махало рукавами...

Лёня и Аринка подбежали к уткам.

— В чём дело? — спросил Лёня.

— Нам приснилась выдра, — сказала одна утка дрожащим голосом, — будто она вылезла из воды и ходила по берегу.

— И подбиралась к нам... — сказала другая.

Лёня и Аринка пошли на берег. И тут на песке увидели маленькие следы. Месяц светил ярко, и следы были так хорошо видны, что даже можно было их сосчитать.

— Лёня, — Аринка тронула Лёню за руку, — на озере волна.

Озеро лежало неподвижно, и только одна волна бесшумно шла к острову. Подошла к острову и пропала.

— Это выдра была. Да, это была выдра, — сказал Лёня. — Но где же Ардыв? Почему он мне не свистнул?

— Фью!.. Фью!.. — тут же послышался нежный свист с острова. — Я тебе давно свистел — фью!

— А мы сидели там и не слышали! — с досадой сказал Лёня. — А ты, Аринка, говоришь, что Ардыв никакой не сторож. Ну что, не сторож?

— Теперь давай от берега не отходить, — сказала Аринка, — вдруг твой Ардыв опять засвистит, а мы и не услышим!

— Лёня! Аринка! — позвала их Феня. — Идите спать. Теперь я буду дежурить.

Ни Лёня, ни Аринка спорить не стали. По правде сказать, им уже хотелось в тёплую постель.

— Только ты, Феня, слушай, — сказал Лёня, — если Ардыв засвистит, значит, выдра близко.

— Ох, Лёнька, надоел ты мне со своими сказками! — Феня зевнула и запахнула поплотнее жакетку.
 — Ночь светлая, я выдру и без твоего Ардыва увижу.
 — А к Пугалу тоже подходи иногда, — попросила Аринка, — а то ему скучно одному... Оно тебе что-нибудь расскажет.
 — Ступайте, ступайте, — сказала Феня, — вам уже обоим на ходу сны снятся.
 Как уютно, как тепло было в вагончике! Феня постелила им постели — и на верхней полке и на нижней. Аринка живо взобралась наверх. Лёня улёгся внизу, укрылся тёплым Фениным одеялом. В открытую дверцу вагончика смотрело ночное небо, полное звёзд...
 Вдруг Лёня увидел, как спустилась с неба красноватая звезда, стала большим шаром и тихо подплыла к вагончику. Красноватый шар заглянул к Лёне, осветил всё красным светом и уплыл. А потом появился с другой стороны, опять заглянул и снова уплыл.
 «Это Марс, — подумал Лёня, — кружится вокруг нашего вагончика!..»
 И, уже засыпая, Лёня увидел, как вагончик снова осветился красным светом...
 А Феня в это время развела на берегу маленький костёр и села у огня. У огня веселее и не так страшно. Красное пламя играло, и плясало, и освещало берег.
 Феня была трусиха и всегда боялась ночного озера только никому об этом не говорила.

На птичнике волнение

— Ну, а ты что, домой пойдёшь? — спросила Феня утром.
 — А разве я тебе мешаю здесь? — ответил Лёня. — Я тебе даже помогаю!
 — Конечно, помогаешь, — сказала Феня, — только я подумала — может, тебе надоело?
 — Ничего мне не надоело! — сказал Лёня. — И вообще, пока я не поймаю выдру или не выслежу её, я отсюда никуда не уйду.
 — А мне тоже не надоело, — сказала Аринка, — и я тоже никуда не уйду.
 — Очень хорошо, — согласилась Феня. — В таком случае, давайте братья за дело.
 — Кормить уток?

— Конечно. Самое главное у нас дело — кормить, кормить и кормить наших уток. Только вот чем кормить? Опять не везут комбикорма!
 Замесили болтушку с зеленью. Лёня и Аринка стали разносить это месиво по кормушкам. Утки сунулись было клевать, но тут же закричали, затрясли головами и побежали к воде.
 — Нет, это невозможно! — жаловались они. — От этого корма у нас клювы слипаются!
 — Да, опять ничего, кроме болтушки. Это же сплошной белок!

— Вот именно! Только от этого белка мы сами перестанем быть белыми!

А некоторые утки не кричали, не жаловались, а лишь молча и печально отходили в сторонку. Они не хотели есть, не хотели разговаривать, не хотели плавать.

— Аринка, ты видишь? — спросил Лёня.

— Вижу, — чуть не плача, сказала Аринка, — они заболели. И сразу какие-то грязные стали! Смотри-ка, вот эта маленькая совсем серая, будто её пеплом посыпали.

В это время утки окружили маленькую уточку а принялись её щипать.

— Ай! — вскрикнула она. — Мне и так нездоровится, а вы ещё и щиплетесь!

— А ты уходи от нас! — шипели утки. — Мы белые, чистые, а ты какая?

И снова принялись её щипать.

— Вы что, с ума сошли? — закричал на них Лёня. — Кто послабей, того и щиплете?

— Конечно, — ответила ему одна большая задиристая утка, — вот слабых-то и щипать. А сильных щипать страшно, они ведь могут дать сдачи!

— И это говорит совхозная утка? — рассердился Лёня. — У нас нет такого закона — щипать слабых. У нас другой закон — защищать слабых!

Но утки словно и не слышали. Они шипели и косились и опять норовили ущипнуть заболевшую уточку.

— Феня! — позвала Аринка. — Иди сюда скорей! Здоровые утки больных забивают да ещё всякие гадкие слова говорят!

Феня поспешно подошла к ним:

— Ах ты, беда какая! Давайте отнесём больных в зимний птичник, а то их совсем заклюют!

Лёня, Аринка и Феня стали ловить заболевших уток.

— Может, их вымыть сначала? — сказала Аринка. — Может, они побелеют?

Нет, — сказала Феня, — от воды они побелеть не могут. Они побелеют только от хорошего корма.

Прошли по всему стаду, выловили всех слабых уток, отнесли их в зимний птичник и закрыли там.

— Поймайте ещё вот эту, — сказала Феня, — вон ту, большую задиру. У неё тоже начинают перья кое-где пеплом покрываться.

Феня ушла в вагончик варить обед. А Лёня и Аринка принялись ловить большую утку, ту самую, которая слабую уточку щипала.

— Что вы делаете? Что вы делаете? — кричала она. — Я хорошая белая утка!

Она убегала от них, хлопала крыльями. А потом вдруг присела, будто лапки у неё подкосились. И тут же к ней подошла большая белая утка и больно ущипнула её.

— Почему ты меня щиплешь? Я ведь тоже белая.

— Нет, ты уже не совсем белая. Это я совсем белая. А у тебя и на шейке и на крыльях перья потемнели!

— Но подожди, разве я виновата? За что же меня щипать? Ведь не вина это моя, это моя беда!

Тут Лёня схватил её.

— Зря! Зря! Зря! — жалобно закричала утка.

— Ну что ты кричишь? — стала уговаривать её Аринка. — Мы же тебя лечить будем и кормить будем. А тут, на берегу, тебя утки совсем защиплют!

— Да, да, — сказала утка, — обязательно защиплют. И как им не стыдно щипать тех, кто слабее!

— А тебе было стыдно, когда ты щипала тех, кто слабее? — спросил Лёня.

Утка примолкла. И всю дорогу, пока её несли, молчала. И только уже у зимнего птичника пролепетала еле слышно:

— Я, кажется, больше не стану щипать слабых. Это очень неприятно, когда ты даже защититься не можешь.

— Хорошо, что ты хоть до этого додумалась, — сказал Лёня, впустил её в птичник и закрыл дверь.

Целый день на берегу ждали — вот-вот зашумит машина, вот-вот привезут комбикорм. Но день уже к вечеру пошёл, а машина всё не приходила.

— Неужели Корней ничего не сказал? Неужели забыл? — волновалась Феня. — Видно, придётся мне самой в правление бежать.

— Беги тогда, — сказал Лёня, — а то стемнеет скоро.

— Ну как я побегу? Как на вас птичник брошу? Не могу я!

Феня не знала, что делать, от волнения у неё даже слёзы на глаза навернулись.

— Вот уже месяц уток болтушкой кормим! — жаловалась она неизвестно кому. — Завод на ремонт закрылся, а у нас и запасов никаких нет. Хозяева называются! А теперь, когда завод снова работает, так мы опять ждём чего-то! Нет, побегу, пожалуй!

Феня пошла в вагончик за платком.

— Что-то Пугало размахалось, — сказала Аринка.

— Вроде как зовёт, — сказал Лёня и побежал на высокий холмик к Пугалу.

— Машу́, машу́ — не видишь! — заскрипело Пугало. — Пускай Феня не спешит — машина идёт к нам.

— Где?

— Пыль видишь?

— Вижу.

— Так это машина идёт.

Теперь Лёня тоже увидел машину.

— Ура! Наша, совхозная! Комбикорм везут!

Лёня чуть не кубарем скатился с бугорка. И даже спасибо забыл сказать Пугалу.

— Феня! Феня! К нам машина идёт! Я с бугра увидел!

— Вот всегда так, — чуть слышно проскрипело Пугало, — подскажешь что-нибудь человеку, а ему уже кажется, что это он сам решил, сам сделал, сам придумал... А впрочем, неважно. Лишь бы польза была. Если комбикорм — какая радость! Утки опять будут здоровыми! А то уж у меня сердцевина совсем изболелась. Не загнила бы!..

Лёня и Аринка бросились открывать ворота. Они открыли ворота во всю ширь, и машина подъехала прямо к кладовой.

— Наконец-то! — крикнула Феня. — Заждались вас!

Из кабинки вылез бригадир:

— Здравствуй, Феня!

— Здравствуйте! Как я рада! А кто там ещё в кабине?

— Это я, — ответил Корней и тоже вылез из кабины.

— Корней! Вот здорово! — сказал Лёня. — Целую машину корма привёз!

— А чего ж... — нехотя ответил Корней.

— А почему вчера не приехали? — спросила Феня. — Я уже хотела сама к вам в правление бежать. Думаю, может, Корней не передал. А вы, думаю, может, забыли.

— Как бы это я забыл, Феня? — сказал бригадир. — Да не было раньше-то кормов на заводе. Машина там со вчерашнего дня дежурила. Как открыли завод — так мы первые!

- Вот и хорошо, на душе отлегло!
- А что ты про Корнея сказала? Что он мне передать должен был?
- Да вот чтобы комбикорму скорей везли.
- А, — сказал бригадир и вдруг начал смеяться. — Ну, если бы на Корнея понадеялись, долго бы вам пришлось ждать! — и рассказал такую историю.
- Оказывается, Корней пришёл и говорит:
- Там конюкорму нужно.
- Бригадир удивился:
- Какому коню? Какого корму?
- А я почём знаю? — сказал Корней. — Феня велела, чтобы ты привёз конюкорму.
- Да что я, по коням, что ли, бригадир? Да и какой там конь у Фени? Ты что-то путаешь.
- Ну вот ещё! Дурак я, что ли?
- Так бригадир и не понял ничего.
- Теперь понимаю! — смеялся бригадир. — Это он, значит, комбикорму просил!
- Эх ты, а ещё Корней-Всех-Умней! — засмеялся Лёня.
- Ну и что ж такого? — ответил Корней. — Умный тоже ошибиться может.
- Шофёр и бригадир открыли борт машины и стали таскать мешки в кладовую.
- Феня тоже им помогала.
- Пожалуйста, пришлите кого-нибудь с ружьём, — попросила Феня бригадира, — у нас тут выдра появилась, рыбу душит беспощадно. Боимся, как бы до уток не добралась!
- Лесничего попрошу, — обещал бригадир. — Эти разбойницы ему знакомы. Вот только заприметить надо, где она живёт — здесь ли, на берегу, или на острове.
- Выследим! — поспешно сказал Лёня. — Я теперь не отстану, пока не выслежу!
- Шофёр и бригадир попрощались и уехали.
- А ты чего остался? — сказала Аринка Корнею. — Скоро вечер, а ты ведь умный, спать в тёплой постели любишь.
- Да, не дурак, — согласился Корней, — я уйду домой, когда вечер наступит. Только поужинаю у

вас сначала.

А Феня и не думала готовить ужина.

Она торопилась накормить уток хорошими комбинированными кормами.

— Вот вам и витамины, вот вам и минералы, вот вам и соль, вот вам и кальций...

А особенно сытно кормила заболевших уток.

— Ешьте, ешьте. Если будете хорошо есть, то опять станете беленькими, веселенькими, и никто вас больше щипать не посмеет!

Незаметно подошёл вечер.

Корней так и не дождался ужина, посидел, поворчал да и ушёл домой.

Ужинали поздно, у костра. Утки долго не ложились спать, то отходили от кормушек, то снова подходили — такая вкусная была у них еда.

Ночь на волшебном берегу

Аринка поужинала и сразу забралась в вагончик на верхнюю полку. Феня задремала у костра. А Лёня встал и пошёл по берегу. Красные отсветы костра играли на песке, плескались в озере. Над самым озером висел месяц, и второй месяц глядел на него из воды.

Вдруг Лёня услышал знакомое нежное хихиканье.

— Хи-хи! Как дела?

— Ардыв! — обрадовался Лёня. — Как хорошо, что ты пришёл! Только не убегай так скоро, мне с тобой надо посоветоваться!

Зверёк прыгнул к Лёне, как кошка, и ласково потёрся о его ноги. Он был очень весел.

— С удовольствием, — сказал Ардыв, — давай поговорим. А хочешь — сначала поиграем в прятки? Мне что-то так весело сегодня! Даже хочется кого-нибудь куснуть.

Он поднял кверху круглую мордочку, и Лёня увидел, как при свете луны блеснули его белые острые зубки.

— Э, только не меня! — засмеялся Лёня. — Ну, давай в прятки. Считаю:

Раз, два, три, четыре, пять,

Надо выдру нам поймать...

— Фу, какая плохая считалка! — прервал Ардыв. — Давай лучше я:

Выдра рыбу ела, ела,

Выдре рыба надоела.

Надо птичник ей проведать,

Надо уточки отведать.

Утку съест — да и в кусты,

А разиня — это ты!

Лёня обиделся:

— А почему я разиня?

Ардыв захихикал:

— Хи-хи! Я хотел сказать:

А водилка — это ты!

— Ну ладно, вожу... — сказал Лёня и закрыл глаза. — Раз... два... три! Пора?

Ардыв не отликался.

— Раз! Два! Три! — начал Лёня снова, но уже погромче. — Пора?

Ардыв молчал.

Лёня открыл глаза и оглянулся. Никого не было.

— Ну, это нечестно, — сказал Лёня. — То играть, а то убежал. И куда он делся?

Лёня внимательно поглядел кругом. Всё было тихо. Только Пугало на бугорке изо всех сил махало рукавами.

— Опять меня зовёт, — усмехнулся Лёня. — Скучно одному-то? Иду, иду, Пугало! Может, ещё что о планетах расскажешь.

Лёня направился к Пугалу. Но в это время неизвестно откуда явился Ардыв.

— Нет, Лёня, это ты поступаешь нечестно: тебе водить, а ты не водишь! — сказал он. — И зачем тебе надо к этому глупому Пугалу ходить? Я вижу, ты в прятки играть не умеешь...

— Как это — не умею? — рассердился Лёня. — Я спрашиваю: «Пора?» А ты скрылся и молчишь. Это ты не умеешь. Тебе бы только появляться да скрываться!

— А ловко я это делаю, а? — Ардыв усмехнулся, и Лёня опять увидел, как у него сверкнули острые белые зубки. — Хочешь, опять исчезну.

— Пожалуйста, — Лёня обиделся, — можешь. А я пойду к Пугалу. С ним гораздо интереснее.

— Ну уж нет! Это со мной гораздо интереснее. Хочешь, пройдемся в озеро?

— В озеро? Как это — в озеро? Ведь ты же воды очень боишься!

— Да, да, — поспешно согласился Ардыв, — я воды боюсь.

— И потом, уже темно. Что же хорошего в тёмной воде?
Ардыв слегка вздохнул:

— Как — что хорошего? Весело! Если бы я воды не боялся, я бы нырял, плавал, носился по всему озеру, всех рыб распугал бы, всех диких уток... и какие там ещё птицы есть в камышах... Все бы их гнёзда раскидал. Интересно! Ты с ними всё можешь сделать, а они с тобой — ничего! Хорошо!

— Ты как-то разговариваешь сегодня... — Лёня поморщился и покачал головой. — Не нравится мне. Не понимаю я тебя. До свиданья, пойду уток посмотрю.

Ардыв стал тихим и ласковым:

— Я больше не буду так разговаривать. Это на меня месяц действует. Мне тоже хочется твоих уток посмотреть. Я их очень люблю!

— Ну ладно, пойдём, — сказал Лёня. — И чего это Пугало так рукавами размахалось?

— Не обращай внимания, — сказал Ардыв. — Ну что умного может сказать существо, у которого вместо головы — шапка, набитая старыми газетами?

— А зато у него живая сердцевина. Она у него болит, когда что-нибудь у нас не ладится.

— А что толку? Скрипит да скрипит. Доскрипится — выдернут его да выбросят... Ну, где же твои утки?

— Вон там, спят под навесом.

— Пойдём поближе?

— Не надо. Испугаются. Пойдём лучше к Фене. А то она всё не верит мне, думает, что я тебя выдумал. Пускай она на тебя посмотрит!

Ардыв даже попятился:

— Что ты, Лёня! Я же терпеть не могу огня. А там костёр горит. Лучше пойдём на озеро, посмотрим, где утки днём плавают.

Они подошли к озеру, туда, где проволочная изгородь стояла в воде.

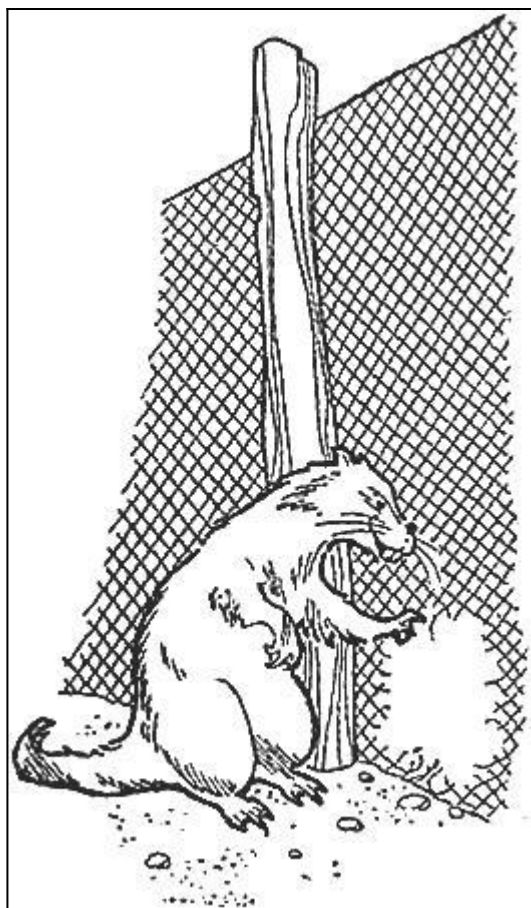
— Вот в этом загончике они и плавают? — спросил Ардыв. — И отсюда — никуда?

— А куда им надо?

— Ну как же! Им же, наверное, хочется по всему озеру поплавать!

— Конечно, хочется. Только незачем. Могут в камыши уйти. Одичать могут. А то и выдра может напасть!

— И неужели никакой лазейки нет из этого загончика? — спросил Ардыв.

Он подошёл к самой воде и стал разглядывать изгородь. Тонкое тело его изогнулось, хвост тихонько шевелился, короткие лапы оставляли на песке глубокие следы.

— Есть, — тихо сказал Лёня, — есть лазейка. Смотри сюда — видишь?

— А! Вижу! — Ардыв очень обрадовался, начал кататься по песку, играть. — Вижу лазейку! Хи-хи!

— Тише, — сказал Лёня, — утки услышат, узнают про лазейку...

— Лёня! — Феня проснулась и позвала Лёню. — С кем ты разговариваешь?

Лёня хотел сказать, что у него в гостях Ардыв, но зверёк затаился, поднял лапку:

— Не говори про меня, я взрослых не люблю! Лучше вы с Аринкой приходите ко мне завтра в гости. Ладно? Обязательно! Я буду вас ждать! Я вас к себе в норку поведу!.. Ладно?

— Ладно, — ответил Лёня.

Но ответил он в пустую темноту — Ардыва уже не было.

— Ступай спать, Алексей, — сказала Феня, — а то, я гляжу, ты ходишь и спишь и сам с собой во сне разговариваешь. А я так славно вздремнула, что до утра спать не захочу. Да и утро недалеко, вот уже и заря занимается.

Лёне очень хотелось рассказать ей про Ардыва, но зачем? Феня всё равно не поверит.

Он зевнул и пошёл спать в вагончик.

В гостях у Ардыва

На заре прошёл дождь — густой тёплый ливень.

Лёня сквозь сон слышал, как вызванивали крупные капли по железной крыше вагончика.

Утром умытое солнышко засияло ещё веселей, ещё ласковей. Вода в озере просвечивала до самого дна. Видны были и песок, и камушки, и какие-то мохнатые водоросли, и рыбки...

«Пойдём в озеро!» — сказал вчера Ардыв.

Но куда же в озеро ночью, в тёмную воду? Вот сейчас Лёня пошёл бы, походил бы по светлomu

дну... Надо Аринку позвать.

— Аринка, где ты?

Аринка прибежала не сразу.

— Я была у Пугала. Мы совсем про него забыли.

— Да, — сказал Лёня, — а оно мне вчера рукавами махало, махало...

— А ты не пошёл?

— Я не пошёл. У меня Ардыв был. А ты спала.

— Ой, как жалко! Что ж ты меня не позвал? Он тебе что-нибудь рассказывал?

— Ничего. Играли с ним. А потом в гости звал.

Аринка подпрыгнула от радости:

— В гости? Пойдём?

— Конечно, пойдём. А что Пугало сказало?

Аринка покачала головой:

— Оно почему-то ничего не говорит. И не скрипит даже. Только стоит и будто вздыхает. Мне как-то обидно стало. Я с ним разговариваю, а оно молчит. Будто какой-нибудь простой осиновый кол.

— Оно не осиновое. Оно из тополя.

— А если молчит, то не всё равно, из чего?

Лёня поглядел в ту сторону, где стояло Пугало. Пугало не шевелилось. Оно грелось на солнышке и было счастливо, что солнышко так хорошо его пригревает. Что-то в нём напомнило Лёне деревья весной. Ещё стоят голые, как этот кол, но уже радуются солнцу и словно прислушиваются, как идут у них по стволу живые соки...

«Придумал тоже, — проворчал про себя Лёня, — голый кол с деревом сравнил!»

— А когда пойдём к Ардыву? — напомнила Аринка.

— В полдень, — сказал Лёня. — Как уток накормим, так и пойдём.

Аринка взвизгнула от счастья:

— Ой, как интересно! Только знаешь, надо нарядиться. Когда к кому-нибудь в гости идут, то всегда наряжаются.

— Наряжайся, — сказал Лёня. — А во что ты нарядишься?

— И я и ты, — сказала Аринка, — мы оба нарядимся. А во что? Увидишь.

В полдень накормили уток. Утки уже все были здоровы, они больше не щипали друг друга, не бранились. Те, которые сидели в зимнем птичнике, снова стали спокойными, весёлыми и белыми, как сметана.

Лёня пошёл отвязывать лодку.

Подожди! — крикнула Аринка. — Сейчас наряды принесу! — и убежала в рощицу.

«Какие там наряды? — подумал Лёня. — Откуда она возьмёт?»

— Вот какие наряды! — сказала Аринка.

Она принесла из рощи охапку цветов. Тут были и лиловые колокольчики, и жёлтые лютики, и красная дрёма. Лёня и Аринка сплели себе из дрёмы и колокольчиков красивые венки, из лютиков сделали золотые цепи на шею. И стали очень нарядными.

— Как думаешь, Ардыв нам обрадуется? — спросила Аринка.

— Думаю, что обрадуется, — ответил Лёня. — Он ведь очень звал, очень-очень звал!..

Лёня и Аринка сели в лодку и поплыли на остров. Им было так весело, что казалось, наступил какой-то праздник. Вот сейчас выйдут они на берег, а знакомые кусты и деревья обрадуются им, зашумят: «Здравствуйте, здравствуйте! Как хорошо, что вы к нам пришли! Вас так давно здесь не было!» А потом встретит их Ардыв и тоже обрадуется. «Пойдёмте ко мне в норку, — скажет он, — я вас земляничкой угощу!»

Но подплыли к острову, вылезли из лодки и увидели, что никто им не обрадовался. Деревья стояли молча и глядели в небо. Они даже не видели, что на остров пришли гости. Они даже не хотели их видеть. И кусты им не обрадовались, они просто отвернули от них ветки и смотрели куда-то в сторону.

И камыши отвернулись. Они глядели в воду, будто в первый раз увидели своё отражение.

— Здравствуйте! — громко сказал Лёня.

— Не здравствуй, — ответили кусты.

А деревья и камыши просто промолчали.

— Что случилось? — спросил Лёня. — Почему вы все рассердились? Я ведь не ломал ваши ветки и не разжигал костров!.. И гнёзда не разорял тоже!

— Смеш-шно... — прошелестел шершавыми листьями орешник. — Ты не разорял — так твои друзья разоряли!

Лёня удивился:

— Мои друзья?! Какие мои друзья?

А Аринка обиделась:

— Какие его друзья? Ну-ка, скажи! Может быть, я?

— Ах, он не знает, какие его друзья! — зашумело кругом. — Слыш-шите? Он не знает!

— Неуж-жели ты думаешь, Лёня, — проскрипел старый дуб, — что если ты друж-жишь с разбойником, то сам остаёшься хорош-шим человеком?

— Хорош-ший человек не может быть товарищ-щем разбойнику, — торопливо прошептала рябина, — не мож-жет, не мож-жет!..

— Но кто же этот разбойник? — спросил Лёня. — Кто этот мой товарищ?

— Ох, он не знает... Он не знает!

— Выдра, вот кто твой товарищ! — сказала ёлочка и встопорщила все свои колючки. — Что ты, не

знаешь?

— Выдра?! — вскрикнул Лёня. — Выдра — мой товарищ?

— Он не знает, он не знает! Слыш-шите? Он не знает!

— Да, выдра, — сказала ёлочка. — Ты хотел её выследить, ты обещал её поймать, а сам подружился с ней!

— Это неправда! — сказал Лёня. — Я её даже не видел никогда!

— Это совсем неправда! — повторила и Аринка. — Мы её сами ищем, только никак не можем найти!

— Они её не видели! — зашумело кругом. — Слышите? Они её не видели! Ещё и лгут, лгут...

— А мож-жет, её вообще на свете нет? — прошуршали жёстким голосом камыши. — Только вот кто же разорил птичьи гнёзда в моих зарослях? Кто погубил птенцов? Кто убивает рыбу, а потом бросает её на берегу?

— Пойдём, Аринка, — сказал Лёня, — я не знаю, о чём они говорят.

Лёня очень обиделся. Он сам ненавидит выдру, он сам выслеживает её. Он за тем и на остров приехал, чтобы вместе с Ардывом поискать её нору... А они на него же и шумят!

Лёня и Аринка шли по берегу. И чем дальше шли, тем больше пропадала их весёлость. На берегу то и дело попадались загрызенные рыбы. Серебряные карпы лежали тут. Красноперые плотвицы. Караси... У всех были выгрызены спинки. Жестокий хищник расправлялся с ними, жадный и бессовестный...

Под кустами, в траве, белели кучки птичьих перьев.

Значит, и птицы попадались ему.

— Как нехорошо здесь... — прошептала Аринка. — Даже сердце сжимается!

— И чего это нас Ардыв не встречает? — сказал Лёня. — Сказал — встречу. Вот я сейчас спрошу его

— неужели он эту выдру так ни разу и не видел?

— А может, его самого эта выдра уже съела?

Лёня поглядел на Аринку:

— А может, и правда?

Они стали кричать, звать Ардыва:

— Ардыв! Где ты? Мы пришли к тебе в гости! Ардыв, ау! Встречай нас! Ау!

Но на острове было тихо и печально. И никто им не отвечал. Аринка заплакала:

— Лёня, поедem скорее домой! Мне тут страшно!

Лёня снял венки и золотую цепь из лютиков и бросил в траву.

— Пойдём.

Они скорым шагом пошли обратно, к лодке. Но идти стало очень трудно — колючие ветки подвёртывались под ноги, древесные корни топорщились из-под земли, крапива хлестала по голым коленкам.

Аринка уже плакала в голос от боли и от страха.

— Не плачь, — сказал Лёня, — вот наша лодка. Садись.

Аринка прыгнула в лодку. А когда прыгнула, то прибрежная ива наклонилась и сорвала с Аринки венки.

— Они нас все ненавидят! — плакала Аринка. — А мы к ним в гости пришли!..

Лёня молчал. Он торопливо работал вёслами. Его мучила обида: как могли подумать, что он подружился с выдрой? Он подружился с милым, весёлым зверьком Ардывом, а разве Ардыв похож на выдру?

И Ардыв тоже хорош — зовёт в гости, а потом скрывается!..

Впрочем, скрывается ли? А может, и в самом деле его тоже загрызла выдра?

Молча подплыли они к берегу. Молча вышли на песок и привязали лодку.

И вдруг услышали крик.

— Алексей! Аринка! — изо всех сил кричала Феня. — Куда вы пропали? Скорей! Выдра утку утащила!

Конец всей истории

А случилось это так. Феня спокойно сидела около вагончика, чистила картошку на ужин. Корней спокойно лежал в холодке и ждал ужина. Утки спокойно плавали, качались на маленьких волнах-зыбульках. Солнце гляделось в воду. Пугало неподвижно стояло на бугре — может, дремало, может, думало о чём-то...

И вдруг Пугало начало размахивать рукавами. Казалось, оно так и рвётся сбежать с бугра, крикнуть или что-то сделать.

«Будто живой человек, — подумала тогда Феня. — И как непонятно: ветра нет, а у Пугала рукава качаются. Но, может быть, там, на бугре, ветер?»

И вдруг закричали утки. Феня вскочила, бросилась к воде:

— Что такое? Что случилось?

Утки кричали отчаянно, они толкались, хлопали по воде крыльями и изо всех сил спешили к Фене. Всей гурьбой они бросились на берег. И лишь одна утка осталась на воде. Она билась, кричала, но с места тронуться не могла, словно кто-то невидимый держал её.

«Это выдра схватила её за ноги!» — догадалась Феня. И как была, в платье, кинулась в воду выручать утку.

Но было поздно. Утка ушла под воду и больше не выплыла. Феня только успела увидеть, что утку держит за лапы выдра и тащит её в тёмную глубину.

— Я тоже видел выдру, — сказал Корней, — длинная такая эта выдра.

— И как догадалась, что в изгороди прогалинка есть? — сказала Феня и смахнула слёзы со щёк. — Вот хитрющий зверь! Прямо под воду, и прямо в эту прогалинку! И конечно, исчезла! Такую хорошую, милую утку утащила!

— Теперь повадится, — сказала Аринка, — теперь нашла дорожку.

А Лёня хмуро молчал.

«Откуда выдра узнала про эту лазейку? — думал он. — Может, она была вчера ночью на берегу, когда мы с Ардывом играли? Может, она и слышала, как я об этой лазейке Ардыву рассказывал?»

Феня сняла мокрое платье, надела старенький халатик, вытерла слёзы.

— Ну, вот что, — сказала она, — хватит. Бегите, ребята, к бригадиру, пусть сейчас же пришлёт охотника с ружьём. Пусть сейчас же придёт и поймает эту выдру! Чтоб ни одного дня не жить ей больше на свете!

Лёня и Аринка разговаривать не стали, они тут же побежали в совхоз. А Корней опять улёгся в холодок.

— Я так и знал, что выдра утку утащит, — сказал он. — Раз рыбу таскает, то и уток таскать начнёт. Надо было её поймать.

— Ну и ловил бы её, чего ждал-то? — сказала Феня.

— Так я думал — а может, утка отобьётся?

— Слишком много ты думаешь, как я вижу, — сказала Феня с досадой, — сразу видно, что ты Корней-Всех-Умней.

— Да, не дурак, — согласился Корней и повернулся на другой бок.

Ужина сегодня, видно, не скоро дождёшься, так можно вздремнуть пока.

Солнце перестало глядеться в воду. Оно подобрало свои жёлтые лучи и село на верхушки деревьев, тех самых деревьев, которые росли на острове.

В это время вернулись из совхоза Лёня и Аринка. А вместе с ними пришёл и бригадир.

— А где же охотник? — спросила Феня. — А где же ружьё?

— Нечего нам ждать охотников, — сказал бригадир. — Охотник — это я. А ружья мне не надо. Вот что у меня вместо ружья. — Он снял свой заплечный мешок и вытащил оттуда капкан.

— А полезет ли она в капкан? — сказала Феня. — Она очень хитрая!

— Она хитрая, а мы ещё хитрее, — сказал бригадир. — Посмотрим, кто кого перехитрит.

И он тут же взял лодку и уехал на остров. Лёня, Аринка и Корней тоже хотели поехать с ним, но бригадир не взял их. Сказал, что они шуметь будут и выдра испугают.

— Эх, зря не взял меня с собой! — сказал Корней и поскрёб в затылке. — Уж я-то поставил бы капкан как надо. Уж у меня-то не вырвалась бы!

— «Не вырвалась бы!» — сказала Аринка. — Из-под носу у тебя утку утащила! Молчи уж!

— А что мне — в воду прыгать? Дураков нету... У меня небось рубаха новая. Полинять могла.

— И для чего ты только на свете живёшь? — спросила Аринка. — Ну, скажи!

— Для чего? — Корней задумался.

Потом Феня пошла кормить уток. Лёня и Аринка пошли ей помогать. А Корней всё лежал и всё думал, всё хотел понять, для чего же он живёт на свете.

Лёня и Аринка управились с делами и отправились навестить Пугало. Пугало ещё издали замахало им рукавами.

— Давно я вас не видало, — мягко и как-то влажно заскрипело оно. — Как хорошо, что вы пришли! Я вам очень радо!..

— Разговаривает! — удивилась Аринка. — А почему молчало, когда я приходила?

— Ах, Аринка, не спрашивай! Я само не понимаю, что со мной творится. Меня взволновал дождь. Я вдруг почувствовало влажную землю... Какие-то воспоминания возникли в моей сердцевине... Мне померещилось, что я было когда-то деревом...

— Конечно, ты было деревом, — сказал Лёня. — Ты было молодым тополем и стояло у самой дороги.

— Да, да! Я стояло у самой дороги! И все проходили и проезжали мимо меня. Это было так весело!

— А вот стояло бы в лесу, тебя и не срубили бы, — сказала Аринка, — и Пугала из тебя не сделали бы.

— Да ведь не так плохо быть и Пугалом, — возразило Пугало, — если какую-то пользу приносишь. Но вот сегодня никакой пользы я принести не смогло. Я видело, как подплывала выдра, я скрипело, я махало рукавами! Я так старалось предотвратить беду! Но разве кто-нибудь прислушался? И вот так всегда: помашешь рукавами да при том и останешься. Так стоит ли стоять тут и расстраиваться попусту?

— И зачем мы поехали на остров! — сказала Аринка. — Может, утку спасли бы.

— Конечно, спасли бы, — сказал Лёня. — Я бы до самого дна нырнул, а уж отнял бы утку! Она кричала, звала...

— Да, она кричала, — печально скрипнуло Пугало. — Она так кричала, что у меня сердцевина застыла. А ведь мне уже мерещилось, будто в моей коре тронулись живые соки!.. Хм!.. Мне мерещилось, что я снова могу стать деревом... Я стояло такое счастливое, мне казалось, что у меня пробиваются корни! Но утка так кричала, что всё это исчезло. Кажется — какое мне дело? Ведь это же не меня выдра утащила! Но вот поди ж ты! Если рядом такая беда, то и ты теряешь всякую радость, и кора твоя застывает...

Так Лёня и Аринка сидели и разговаривали на бугре с опечаленным Пугалом. И сами были очень печальные. А Лёню, кроме того, мучила мысль, что это он проболтался о прогалинке в изгороди, а злая выдра подслушала это.

Потом вернулся бригадир, и Феня позвала их ужинать.

Ужин был хороший, но все были невеселы.

— Не пойдёт она в капкан, — сказала Феня. — Зачем ей в капкан лезть, если еды сколько хочешь кругом?

— А за тем полезет, что жадная, — сказал бригадир. — До того жадная, что разум теряет.

Потом бригадир пошёл домой. Он сказал, что придёт рано утром и проверит капкан.

Корней тоже пошёл с ним. Он всё ещё был задумчив. Он никак не мог решить, для чего он всё-таки живёт на свете. С этим нерешённым вопросом он и ушёл домой, а заодно и ушёл из этой сказки.

Феня всю ночь ходила по берегу, сторожила уток. Иногда садилась отдохнуть у костра. А когда рассвело, погасила костёр, стала кормить уток и не отходила от них никуда.

Лёня и Аринка долго не спали, прислушивались: им всё казалось, что они услышат, если подкрадётся выдра. Но потом сон одолел их, и они сами не заметили, как уснули.

Утром Лёня проснулся оттого, что услышал голос бригадира.

— Бригадир пришёл!.. — крикнул он Аринке и выскочил из вагончика. — Я с вами пойду, товарищ бригадир! — сказал Лёня. — С вами на остров!

— Да я и один управлюсь, — ответил бригадир.

Но тут вылезла из вагончика Аринка:

— Нет, отец, мы обязательно пойдём с тобой!. Мы будем тебе помогать!

— Мы обязательно должны пойти! — повторил Лёня.

— Отвязывайте лодку, — сказал бригадир и взял свой мешок, а в мешок положил верёвку.

Теперь вместе с бригадиром Лёня и Аринка не боялись плыть на остров. Вон он какой большой и сильный, их бригадир. Пускай теперь попробуют их обидеть!

А на острове никто и не собирался их обижать. Казалось, их даже и не замечал никто. Деревья пошумливали вершинами где-то в небе, кусты молчали, камыши дремали над водой, птицы чирикали свои песенки... И никому не было никакого дела до Лёни и Аринки.

Они долго шли по берегу — бригадир впереди, Лёня и Аринка за ним.

— И почему это совсем перестал приходить Ардыв? — задумчиво сказала Аринка.

— Да, совсем перестал, — сказал Лёня, — или он ушёл отсюда... Или...

— Или его загрызла выдра.

Помолчали.

— Лёня, — опять сказала Аринка, — мне не хочется, чтобы его выдра загрызла. Мне так его жалко, он такой был хорошенький! Позови его. Может, он откликнется? Он умел так хорошо посвистывать и хихикать!..

— Ардыв! — крикнул Лёня. — Ардыв! Покажись!

— Покажись хоть на минутку! — крикнула и Аринка. — На одну минуточку! Мы по тебе соскучились!..

— А вот и нора, — сказал бригадир, — вот отсюда и выход к воде.

— Где нора? Это выдрина нора?

Лёня и Аринка заглянули в круглую норку. В норе было темно, она уходила глубоко под землю, под древесные корни.

Бригадир повернул к озеру. Лёня и Аринка гуськом пошли за ним. Идти было трудно, мешали заросли травы и кустов. Но берег был недалеко, вода уже светилась сквозь ветки.

— Сейчас увидим, что у выдры сильнее: разум или жадность, — сказал бригадир и спустился к самой воде.

— Ну что? — У Лёни замер дух. — Что?

— Хм! — Бригадир усмехнулся. — Как я и говорил. Конечно, жадность!

— Попалась?!

— Попалась!

Лёня и Аринка скатились с берега прямо в воду. Здесь было мелко, но вода была зелёная от каких-то водорослей и водяной травы.

И здесь, под водой, они увидели капкан. А в капкане...

— Ардыв! — закричал Лёня. — Товарищ бригадир, что вы сделали! Вы поймали нашего Ардыва!

— Нашего Ардыва! — закричала и Аринка. — Нашего милого Ардыва!.. Нашего хорошенького...

— Ардыв? — бригадир засмеялся. — Это кто же её так назвал?

— Он сам нам сказал! Его зовут Ардыв! Скорей освободите его из капкана!

— Освободи Ардыва, отец! — вторила Аринка. — Скорей!

Ардыв жалобно глядел на них из воды. Капкан крепко держал его за лапу железными зубами.

— Ардыв? — повторил бригадир. — Да, конечно, это Ардыв. Ну-ка, Лёня, напиши это имя на песке.

— Зачем? — спросил Лёня. Но всё-таки вышел на берег, взял какой-то прутик и написал: «Ардыв».

— А теперь прочти это с конца, — сказал бригадир. — Ну-ка, читай вслух.

Лёня прочёл:

— «Выдра».

— Что? — закричала Аринка. — Где выдра? Какая выдра? Ты читать не умеешь!

Она выскочила на берег и прочла сама. И у неё получилось то же самое.

— Ардыв — выдра... Выдра! — сказала Аринка. — Так ты и есть выдра! Ты и есть та самая выдра!

И Аринка громко заплакала от горя и от обиды.

— Выдра, — повторил Лёня. — А я ещё хотел тебя освободить! А мы тебя любили... Вор, злодей и обманщик!

Да, это была выдра. Она уже не притворялась больше ласковым зверьком. Она шипела, визжала, грызла капкан белыми острыми зубами и глядела так злобно, что казалось, так бы и бросилась на всех, так бы и закусила их досмерти!

Бригадир взял выдру, посадил её в мешок и крепко завязал верёвкой.

— Вот и всё, — сказал он, — больше разбоев на нашем озере не будет.

Бригадир шёл весёлый и даже напевал песенку. А Лёня и Аринка молчали.

«Очень хорошо, что поймали эту злую выдру! — думал Лёня. — Но как же я её не узнал? Как же я не догадался?»

«Так и надо, что поймали злую выдру! — думала Аринка. — Пускай больше не таскает уток, не губит рыбу. А главное — пусть не притворяется больше таким хорошеньким зверьком, чтобы её напрасно любили!»

Феня очень обрадовалась, когда услышала, что выдра попалась. Феня так радовалась и так веселилась, что и Лёня с Аринкой перестали огорчаться.

Бригадир бросил мешок с выдрой на траву. Лёня подошёл посмотреть. Выдра шипела и ворочалась в мешке, она пыталась прогрызть его. Но мешок был кожаный, и она ничего не могла поделать.

Потом почувяла, что Лёня стоит около неё, и притихла.

— Лёня, выручи меня! — зашептала она жалобно. — Мы ведь с тобой дружили, Лёня, ведь тебе со мной было весело. Помнишь, как мы играли в прятки на берегу? Выпусти меня, я опять буду приходить к тебе, буду играть с тобой... Я знаю разные весёлые игры!

Но Лёня даже и слова не сказал в ответ. Он отошёл в сторону и не стал её слушать.

Потом бригадир закинул на спину мешок с выдрой и ушёл.

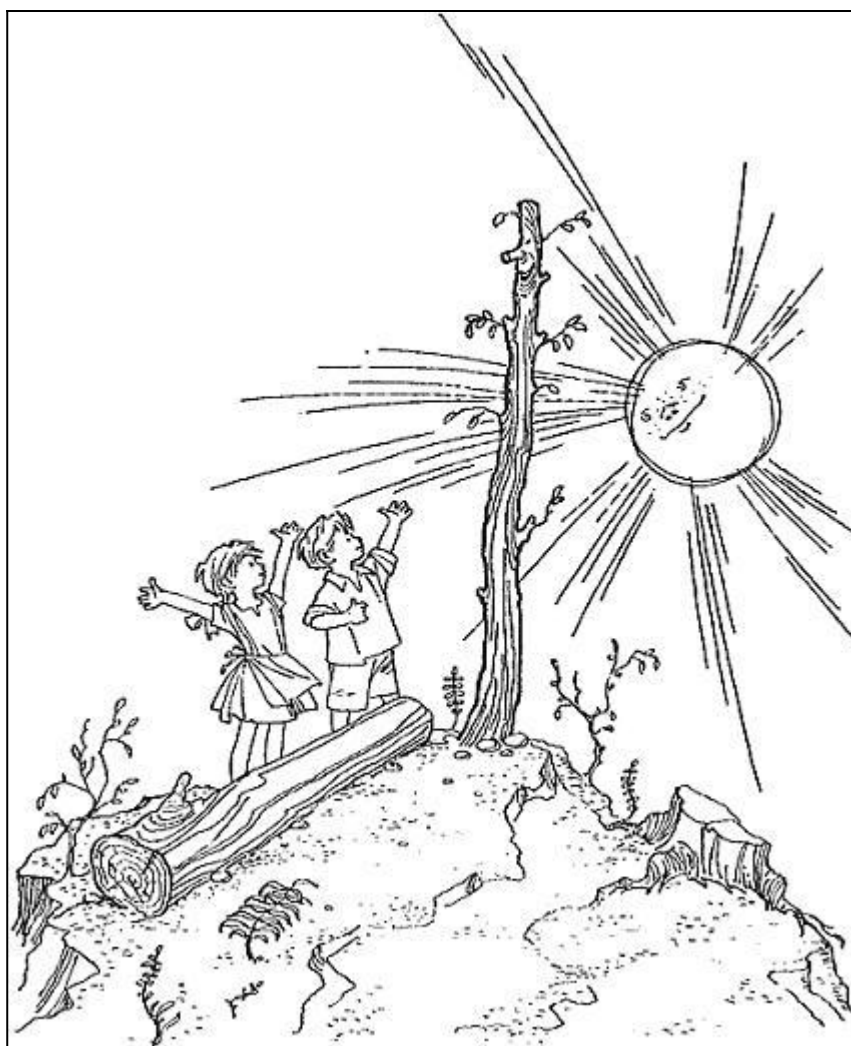
Снова стало тихо и спокойно на озере. Снова солнышко гляделось в воду и утки о чём-то лопотали и качались на воде.

В полдень, когда накормили уток и пообедали сами, Лёня увидел, что Пугало машет рукавами.

— Аринка, Пугало зовёт! — сказал Лёня.

— Побежали! — сказала Аринка.

— Да, я звало вас! — радостно прошептало Пугало. — Я всё знаю! Я видело, как утром несли выдру в мешке! И знаете? У меня снова ожила сердцевина. И я уже слышу, отчётливо слышу, что соки двинулись по моей коре!

— Ты что же — может быть, выпустишь зелёные листья? — спросил Лёня.

— И станешь деревом? — спросила Аринка.

— Да. У меня уже есть листья. Они ещё совсем маленькие, но, если вы присмотритесь, они есть! Лёня, сними с меня эту шапку и этот старый пиджак и брось куда-нибудь. Они мешают мне. Мне теперь нужно солнце и нужен дождик — я стану деревом! Я стану деревом!

Лёня снял с Пугала шапку и бросил её в кусты.

— Значит, ты не будешь больше рассказывать нам про всякие планеты? — сказал он. — Как жалко!

— Когда у меня будет листва, у меня будет ещё больше всяких рассказов! — сказало Пугало. — Скорее сними с меня старые тряпки!

Лёня стащил с Пугала старый пиджак. Потом снял перекладину. И вместо Пугала на бугорке оказался молодой древесный ствол.

— Да, да, у него есть зелёные листики! — радостно закричала Аринка. — Они пробиваются на верхушке!

— Да, — сказал Лёня и улыбнулся, — ты больше не будешь Пугалом, ты будешь тополем! Зелёным тополем!

— Только смотри, — сказала Аринка, — чтоб ты не молчало, когда у тебя будут зелёные ветки!

— О нет, я не буду молчать, — прошептало бывшее Пугало, — сколько веток, столько и рассказов. Я всегда, всегда буду радо видеть вас, Лёня и Аринка! Ах, я так счастливо!.. Я так счастливо — я могу жить, зеленеть, радоваться и другим приносить радость!..

А вечером на птичник пришла Фенина сменщица Катя.

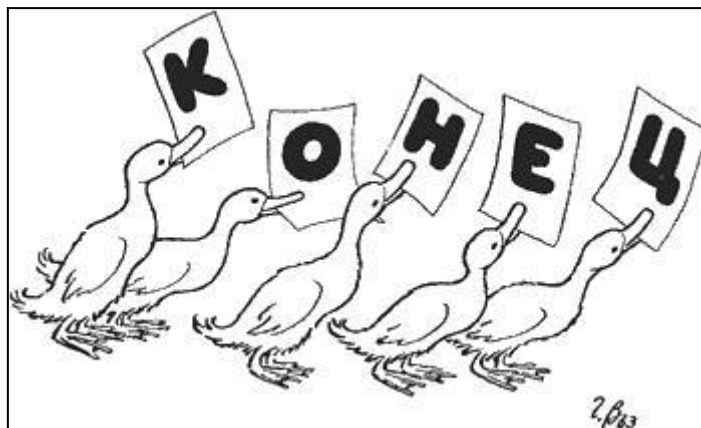
— Вот я и выздоровела, — сказала она. — Теперь я буду дежурить, а ты, Феня, будешь отдыхать. Нам с тобой вдвоём будет нетрудно работать.

— Очень хорошо вдвоём работать, — сказала Феня, — и очень я рада, что ты пришла. Ты опять будешь спать на верхней полке, а я буду — на нижней.

— А мы? — спросил Лёня.

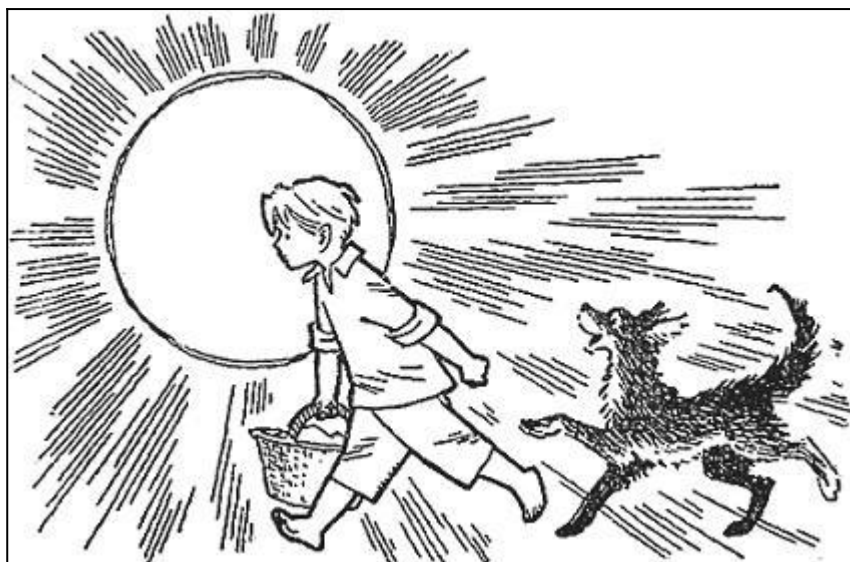
— А мы где же? — спросила Аринка.

— А вы пойдёте домой, — сказала Феня, — ваша помощь больше не нужна. Но за то, что помогли мне в трудное время, большое вам спасибо!

Защитник слабых

Утро

Лёня вышел из дома. В руке у него была корзинка, а в ней завернутые в полотенце тёплые лепёшки.

Дружок сейчас же выскочил из конуры, встряхнулся и побежал к калитке.

— Ты куда собрался? — спросил Лёня.

— С тобой, — ответил Дружок.

— Ещё не знаешь, куда я иду, а уже — «с тобой»!

— А мне всё равно. Куда ты — туда и я. Только я знаю, ты идёшь к Фене на озеро. Несёшь ей

лепёшки.

— Учужал!

— А как же не учужать? — Дружок облизнулся. — Такие лепёшки за три километра учужать можно!

Лёня и Дружок вышли на улицу.

— Мяу? — удивился Кот, который сидел на перекладине калитки. — Ещё роса на траве, а они уже пошли. Охота лапы мочить! Я бы не пошёл.

— А ты и так не пошёл, — огрызнулся на него Дружок, — тебе лишь бы лапки не запачкать. Стиляга!

Стояло светлое утро.

Кого встретили на полянке

На соседском крыльце сидела Аринка и наряжала свою куклу. Она увидела Лёню.

— Ты на ферму?

— На ферму.

— Я тоже пойду. Ладно?

— Иди, если хочешь.

Аринка усадила куклу на ступеньку и вприпрыжку подбежала к Лёне. И все втроём они отправились на утиную ферму, к старшей Лёниной сестре.

Лёня и Аринка шли гуськом по тропочке, потому что на траве ещё лежала роса. Тропка была тёплая, а роса холодила босые ноги. Дружок взад и вперёд носился по траве. Ему роса не страшна, он даже зимой по снегу босиком бегаёт и не боится.

Они прошли через лесок, вышли на полянку. Вдруг Лёня остановился — яркие золотые волны катились им навстречу по траве.

— Что это?

Аринка тоже остановилась.

— А что?

— Смотри, что по траве идёт!

— А где?

А волны шли всё ярче, горячее. Вот уже и ног коснулись, ногам сразу стало тепло. Лёня поднял глаза и увидел, что по светлой росистой полянке идёт им навстречу Солнышко в золотой одежде. И одежда эта так сверкает, что глядеть больно.

Идёт и бросает пригоршнями во все стороны жаркие лучи. Идёт — и все цветы на полянке поднимают венчики, сбрасывают росу, раскрываются...

— Кто ты? — крикнул Лёня.

— А разве не видишь? — отозвался ласковый голос. — Я — Солнышко!

— А что ты делаешь?

— Разве не видишь?..

— Не вижу! Глаза слепнут, загорodись немножко!..

Солнышко бросило кверху длинный луч, достало с неба лёгкое облачко и загорodилось им.

— А теперь?

— Вижу тебя, Солнышко, вижу!

— И я вижу тебя, Солнышко! — закричала Аринка.

Только Дружок ничего не видел. Он остановился и глядел то на Лёню, то на Аринку — кому они кричат? С кем разговаривают?

— Здесь у меня растут Колокольчики, — сказала Солнышко. — Им пора цвести. Если я не помогу — как же они расцветут?

Солнышко снова пошло по росистой полянке. Оно шло и разбрасывало кругом маленькие горячие

лучи. И все колокольчики кругом поднимали головки, раскрывали свои лиловые венчики, сбрасывая росу. И пока Лёня и Аринка смотрели, вся полянка засветилась от лиловых лепестков, вся полянка стала лиловая.

Солнышко остановилось.

— Ну как — красиво?

— Красиво! — в один голос ответили Лёня и Аринка.

— Так вот, — Солнышко провело золотой рукой по своему золотому лбу, — работы очень много. Видите — Калине пора цвести. Ей тоже помочь надо.

Солнышко достало из кармана пригоршню лучей, осыпало ими калиновый куст. И тут же начали распускаться калиновые цветы, белые, кружевные, пушистые. И сразу пошёл от них тёплый медовый запах.

— Ну как? — спросило Солнышко.

— Красиво! — крикнули Лёня и Аринка.

— Нет, вы поглядите, как они сделаны! Получше поглядите!

Лёня и Аринка принялись разглядывать калиновые цветы. Множество маленьких белых цветочков с жёлтыми тычинками, и все собраны в большую пышную кисть. Почему это они раньше не видели, как хорошо умеет цвести калина!

Солнышко пошло дальше. Всех надо согреть, всем надо помочь, всех надо обрадовать... Лес стоял тихий, приветливый, каждое дерево хотело, чтобы Солнышко взглянуло на него, каждое дерево протягивало к нему ветки, чтобы побольше поймать лучей. А Солнышко рассыпало лучи, оглядывалось на Лёню и Аринку и смеялось.

«Человек!»

На еловой ветке появилась Белка. Она спустилась совсем низко, так низко, что Дружок увидел её. Он подбежал к ёлке и залаял.

— Можешь не лаять, — сказала Белка. — Я тебя совсем не боюсь.

— Я тебя загрызу! — прорычал Дружок как можно страшнее.

Но Белка опять не испугалась:

— Попробуй.

А потом прыгнула с ветки на ветку прямо над его головой. И засмеялась.

— Глупый же ты пёс! Я даже волка не боюсь. Ну, что он или ты можете мне сделать? Пощёлкаете зубами, да и только. Вот если ласка или куница... Или человек...

В это время Белка увидела Лёню и взвилась вверх по стволу.

— Человек! — крикнула она так, будто увидела самое страшное чудовище.

Лёня обиделся.

— Да, человек. А чего же ты испугалась?! Не зверь же.

— Конечно, не зверь. Зверь в меня палками бросаться не будет.

Лёня покраснел, покосился на Аринку. Но Аринка не слышала, что сказала Белка. Она приплясывала и кричала:

— Белочка, Белочка, дай мне орешков!

А покраснел Лёня потому, что Белка была права. Ребята у них в деревне почему-то всегда бросают в белок палками и камнями. Чуть появится белка поблизости, тут и поднимется крик. Все бегут за ней толпой, палки летят тучей — надо ребятам во что бы то ни стало сбить белку. Не так давно это было — и Лёня вместе с другими ребятами гонялся за белкой, которая нечаянно оказалась у них в палисаднике. Он хотя палок не кидал, но всё-таки гонялся!

— А зачем вам нужно нас убивать? — сказала Белка, опасливо поглядывая на Лёню из-за ствола. — У каждого из вас спроси: зачем? И ни один не ответит. Потому что сам не знает. Убить — и всё. Потому что ты большой и сильный. А я маленькая и слабая. Пользы-то ведь от меня — никакой! Шубка у меня летом плохая. Да и что из моей шубки сделаешь? Кусочек меха! А у меня детки. Вот

убили бы меня, кто бы их кормил? Кто бы их вырастил? А ещё говоришь «не зверь»!

— Мы не тронем тебя, — сказал Лёня. — Никогда ни одной белки не тронем. Вот хочешь? Даже лепёшки тебе дам.

Лёня достал из корзинки лепёшку и отломил кусок. У Дружка даже слюнки побежали, но никто этого не заметил.

«Что ему эта Белка? — думал Дружок. — Ведь я — его собака. А Белка что? Надо бы мне дать!»

Но Лёня положил тёплый кусок на высокий пенёк.

— Вот. Спускайся и бери. И знай, что человек таких, как ты, не обижает.

Белка не знала, что делать. Тронет? Не тронет? А лепёшка лежит на пенёчке и ждёт.

— Мы не тронем тебя, Белка! — сказала Аринка. — И Дружок не тронет. Спускайся!

Белка поверила и стала потихоньку спускаться. С ветки на ветку, всё ниже, ниже...

И вдруг — ж-ж-ж! — толстая палка взвилась откуда-то из-за куста и ударила по стволу.

Белка мелькнула среди хвои, крикнула:

— Обманщики!

И тут же исчезла.

А из-за калинового куста вышел Корней — Аринкин брат. Он был толстый, коренастый и, как он считал, самый умный на свете. Его так и звали: Корней-Всех-Умней.

Он поглядел Белке вслед и сказал с досадой:

— Эх, промазал!

Аринка так и бросилась на Корнея:

— Ты зачем её, а? Ты зачем, а?

А Лёня чуть не плакал от злости и от стыда:

— Эх ты!

Корней глядел на них, то на Лёню, то на Аринку:

— А чего я? А чего вы? Человек она, что ли?

— Нет, ты скажи, — приступил к нему Лёня, — зачем ты хотел её убить?

Но Корней совсем не знал, что ответить.

— А чего? Ну, и убил бы. А чего? Подумаешь! Твои они, что ли?

Тут Лёня не выдержал. Он размахнулся корзинкой и ударил изо всех сил Корнея по спине.

Корней рассердился.

— А, ты драться? Ну, драться-то и я умею — не дурак! — Он выхватил у Лёни корзинку, забросил её в кусты так, что все лепёшки из неё разлетелись, и принялся молотить Лёню кулаками.

Лёня пытался защищаться, но у Корнея кулаки были крепче. Аринка била Корнея по спине, но у него и спина крепкая: Аринка бьёт, а он не чувствует. Что поднялось тут на колокольчиковой полянке! Лёня кричит, Аринка кричит, Дружок лает, хватает Корнея за штаны!.. А Корней молча бьёт.

Но вот ударил ещё с правой и с левой, и Лёня упал в траву.

— Понял? — сказал Корней.

Аринка протянула Лёне руку.

— Вставай.

Но Лёня встал сам. На лбу у него вздулась шишка, на щеке покраснелась царапина. Он отряхнулся и пошёл собирать лепёшки. Аринка стала помогать ему. Дружок тоже хотел помочь, но Лёня не велел.

— Ступай, съешь, которая на пенёчке, — сказал он.

Дружок весело взмахнул хвостом и в один миг слизнул кусок сладкой лепёшки с пенёчка.

Лепёшки кое-как собрали, уложили в корзинку, укрыли полотенцем. И пошли.

И тут Лёня увидел, что всё на полянке изменилось. Солнышко не ходило среди деревьев, не раскрывало колокольчики — оно, как обычно, висело в небе. И деревья ничего не говорили, они, как всегда, чуть шелестели листьями. И птицы не пели складную песню — они просто чирикали кто как умел...

Корней ещё раз крикнул вслед:

— Понял?

Ему никто не ответил.

— А что, меня будут бить, а я буду стоять? — продолжал он. — Я не дурак небось. Я умный.

Ему опять никто не ответил.

Тогда Корней сломил цветущую ветку с калинового куста, счистил с неё и цветы и листья — сделал хлыст.

Засвистал лихо и пошёл домой. Он шёл и топтал своими толстыми пятками нежные колокольчики. А хлыстом размахивал и сбивал головки всем цветам, которые ему попадались.

Какой же ты защитник!

В озере было полно солнца. Солнце играло в маленьких волнах, запускало широкие лучи в глубину, а у берега рассыпалось белыми блёстками.

Феня только что накормила уток. Теперь они отдыхали на тёплом прибрежном песке. Весь берег был белый от белых уток.

Лёня и Аринка вошли в утиный загон. А Дружка не пустили.

— Жди здесь, — сказал Лёня. — Собакам нельзя на ферму. Уток распугаешь.

Дружок вяло махнул хвостом, опустил голову и улёгся у калитки. Ждать так ждать. Это дело собачье.

— А! — весело сказала Феня. — Вот как хорошо, что пришли. Сейчас чай пить будем.

— С лепёшками! — подхватила Аринка. — Мы тебе лепёшек принесли!

Лёня молча протянул Фене корзинку с лепёшками.

— Вот молодцы! — обрадовалась Феня.

Она взяла корзинку, развернула полотенце и удивилась:

— Батюшки! Что же это с лепёшками? Все на куски развалились. И трава на них налипла. И мох. Что это у нас в печке — лес, что ли, вырос?

Лёня и Аринка молчали.

Феня взглянула на Лёню и ещё больше удивилась:

— Батюшки родные! Да откуда ты, Алексей? На лбу фонарь светится. И щёку располосовал. Дрался, что ли?

— Ничего не дрался... — начал было Лёня.

Но Аринка перебила его:

— Дрался! Дрался! С нашим Корнеем. Корней его и отлупил!

— За что же он тебя?

— Я его корзинкой по спине.

— А за что же ты его?

— Корней белку хотел убить, — встряла Аринка, — а Лёня заступился.

— А зачем же сразу драться? Ты бы поговорил с ним, объяснил бы...

— Да, поговоришь с ним. Он только и знает: «Подумаешь! Твои они, что ли!»

— Эх ты! — усмехнулась Феня. — Защитник слабых!

И пошла в вагончик за чайником. Вагончик этот стоял на самом берегу. Там была Фенина постель — ведь и ночевать приходилось на озере, уток одних не оставишь. Там и керосинка стояла, а на ней кипел чайник.

Феня накрыла суровой скатёркой стол, врытый ножками в землю под рябиной. Поставила кружки. Достала сахар. Хорошо чай пить, когда над головой зелёные ветки, под ногами тёплый песок, а перед глазами синее озеро!

После чая Феня пошла по берегу посмотреть — всё ли тихо в её утином царстве-государстве. Лёня и Аринка тоже пошли с ней.

— Всё равно я буду защищать слабых, — сказал Лёня, — если их будут обижать.

— А меня будешь защищать? — спросила Аринка.

— И тебя буду.

— А ещё кого?

— Птиц защищать буду. Белок. Деревья.

Лёне вспомнилось, как Корней наступал своими толстыми пятками на колокольчики, и добавил:

— И колокольчики тоже защищать буду.

Тут Феня усмехнулась:

— Чтобы защищать слабых, надо самому сильным быть. А тебя, видишь, Корней и то отколотил.

Лёня сжал кулаки, покраснел. Можно бы и обидеться на Феню за такие слова. Но разве за правду обижаются?

— Вот ты надулся, а зря, — сказала Феня. — Подумай сам. Если бы наши солдаты только кричали: «Не дадим в обиду свою Родину!» А ни стрелять, ни воевать не умели бы — что бы получилось? Пустые слова. А кому пустые слова нужны?

Аринка увидела, что Лёня нахмурился.

— Пойдём к Пугало, а? — сказала она. — Давно у него не были.

— Какое там Пугало! — засмеялась Феня. — Там теперь зелёный Тополь стоит. Вы его и не узнаете!

Раньше на бугорке возле птичника стояло Пугало. Его поставили там, чтобы пугать ворон, потому что вороны любят таскать маленьких утят. А сделали это Пугало так: вбили свежий тополевый кол, привязали крестовину, надели на него рваный пиджак и старую шапку. Так оно стояло, махало рукавами, а вороны думали, что это человек стоит.

Но потом с Пугалом случилось весёлое чудо. Свежий тополевый кол пустил корни, выкинул зелёные ростки, и Пугало стало деревом!

Лёня сразу повеселел, когда Аринка напомнила про бывшее Пугало.

— Побежим! — крикнул он.

И они помчались на бугорок.

Да, в самом деле, на бугорке возле птичника стояло дерево, молодой зелёный Тополь. Листья у него блестели, кора так и сияла, как отполированная, она ещё не успела огрубеть и потрескаться.

— Пугало, это ты? — закричала Аринка.

— Это — бывшее я, — ответил Тополь счастливым голосом.

— Значит, теперь ты — Тополь? — сказал Лёня.

— Да, теперь я Тополь, — снова ответил Тополь счастливым голосом. — Я очень рад... то есть рад, что вы пришли ко мне. Я могу пошелестеть над вами листьями. А если будет жарко, я дам вам холодку!

Лёня и Аринка уселись под Тополем в холодок, потому что солнце уже стояло высоко и начиналась полуденная жара.

— Теперь ты уже не сторожишь уток? — спросил Лёня.

— А как же я могу сторожить уток? — ответил Тополь. — Ведь у меня уже нет рукавов, чтобы махать ими и пугать ворон.

— Но тогда тебе, наверно, скучно? Когда нет дела, то бывает как-то скучно!

— Выдумал! — сказала Аринка. — По-моему, очень даже весело, когда ничего не надо делать.

А Тополь густо и весело зашумел листьями, засмеялся.

— Как же у меня нет дела? У меня очень много работы. Я гоню соки по веткам. Ловлю солнечные лучи, чтобы мои ветки росли и зеленели. Слежу, чтобы листья исправно дышали и очищали воздух и чтобы корни не ленились пробираться глубже в землю, добывать воду и пищу...

Да, правда, — согласился Лёня, тебе, скучать некогда.

— Но ведь если только одна работа да работа — это тоже скучно! — сказала Аринка.

— А у меня не только работа, — нежно прошелестел Тополь, — у меня ещё и радость есть. Посмотрите-ка, что у меня на верхушке!

Лёня и Аринка вскочили оба сразу:

— Где?

— Что?

И увидели, что на верхушке у Тополя висит скворечник. Они и не заметили, что, пока тут сидели да разговаривали, скворцы уже много раз прилетали к своему гнезду и улетали снова.

— У них детки, — прошептал Тополь счастливым шёпотом, — теперь Скворцу даже и песенку спеть некогда — надо кормить деток, всё кормить, кормить!..

Новое знакомство

Скворцы прилетали и улетали, прилетали и улетали. И каждый раз приносили птенцам то улитку, то гусеницу, то слизняка...

— В это время с утренней зари до полудня они каждые три минуты прилетают, — сказал Тополь, — каждые три минуты!

— А что, у тебя часы есть? — спросила Аринка.

— А Солнышко разве не часы? Я уже привыкло... то есть привык. И все мои ветки привыкли следить за временем по Солнышку.

— Значит, как три минуты — так улитка, ещё три минуты — гусеница, — сказал Лёня. — Сколько же они за день перетаскают?!

— Вот и сосчитай.

Лёня взял палочку, стал чертить на земле, хотел сосчитать, но не сумел.

— Я бы сосчитало... я бы сосчитал, — прошелестел Тополь, — но ведь я не учился. После полудня они тоже всё время таскают. Только поменьше, через каждые пять минут.

— Ой-ёй! — Аринка всплеснула руками. — А если бы не скворцы, так все бы эти улитки и гусеницы живы остались! Они бы по всей земле расползлись!

— И всё бы кругом пожрали, — сказал Лёня. — Интересно, а почему же мы этим птицам «спасибо» не говорим?

— А человек редко кому говорит «спасибо». — Тополь чуть-чуть загрустил. — Разве говорит он «спасибо» дереву, например, или траве за то, что мы очищаем воздух? Без нас ведь и дышать нечем было бы! За то, что мы кормим животных? За то, что мы и человека тоже кормим?

В это время прилетел Скворец, отдал птенцу добычу и сел на ветку отдохнуть.

— Беда! — сказал он весело. — Богатырский аппетит у наших детей! Спел бы песенку, да не успеваю...

— Да ведь ты же устал, какие тебе песенки? — крикнул Лёня.

Скворец посмотрел вниз.

— Устал? Пустяки. Как пропоёшь что-нибудь, так и усталость пропадает. Да вот некогда, некогда, некогда. Шесть ртов открыто!

Скворец сорвался с ветки и скрылся в кустах. Но тут же прилетела Скворчиха с гусеницей в клюве.

— А вот и мама! — прошелестел Тополь. — Мама Скворчиха...

— Отдохни немножко, мама Скворчиха! — крикнула Аринка.

— Я не могу отдыхать, детки хотят есть! — ответила Скворчиха.

И снова улетела.

— Ох, — вздохнула Аринка, — я бы так не могла. Я бы сразу умерла от усталости!

— Я бы тоже не мог, — тихо сказал Лёня.

— И ты бы не мог, — согласилась Аринка, — ты ведь тоже слабый.

Лёня покраснел, как клюква, нахмурился, рассердился:

— Ещё посмотрим! Ещё... посмотрим, кто слабый!

В это время снова прилетел Скворец, сунул деткам улитку.

— Всё хорошо! — крикнул он. — Солнышко светит, детки растут! — и улетел.

— А они даже и не унывают, — сказала Аринка. — Как это могут, Лёня, а?

Лёня задумался и молчал.

— Тополь, как ты думаешь, как это они могут? — не унималась Аринка.

— Я думаю, это потому, что у них очень хороший характер, — ответил Тополь. — Им легче трудиться, потому что они трудятся весело. И потому, что они очень любят друг друга. И потому, что они очень любят своих деток. И ещё — они очень любят свою родину и так радуются, что они снова здесь, дома. Ведь им приходится так далеко улетать на зиму. В какую-то Африку улетают. Не знаю, где эта Африка. Когда я был Пугалом, я многое знал. Может быть, вы знаете, где эта Африка?

— Это за морем, — сказал Лёня.

— Вот и через море они летят, — продолжал Тополь. — Они мне рассказывали. Очень тяжело лететь через море — ведь не сядешь на воду, не отдохнёшь! Они ведь не чайки. И не утки.

— Ой, бедные! — вздохнула Аринка.

— А всё-таки летят домой. Но могли бы и не прилетать. Там ведь, в этой Африке, снегу не бывает. Но вот — летят. Домой летят, на родину. А как прилетят, то и поют, и радуются, что вот они дома!

И Тополь прошелестел тревожным шелестом:

— Я очень люблю своих скворцов. И всё боюсь, не обидел бы их кто. Тут и куница, и ястреб... Да и человек. Ведь сами знаете — не всякий человек бывает Человеком.

— Наш Лёня теперь будет слабых защищать! — сказала Аринка. — Только он сам не очень сильный. Корней сильнее.

— Ничего, ещё и твоему Корнею достанется, — сурово сказал Лёня. — Я тоже буду сильный.

— Да, Лёня, да, Лёня, — зашумел Тополь. — Доброму нужно быть сильным. Потому что добрый своей силой зла не наделает да и от злого защитит. Пожалуйста, будь сильным, будь сильным!

— Буду, — твёрдо ответил Лёня.

В это время в бессчётный раз прилетел Скворец. Он отдал детям слизняка и сел на ветку отдохнуть.

— Полдень. Передышка. Можно и песенку спеть.

И он тут же запел, зачирикал воробьём, зазвенел жаворонком, закудахтал курицей, заскрипел калиткой, залился соловьём... Ведь известно, что скворцы умеют всех передразнивать и все звуки, которые слышат, умеют повторять в своей песенке.

Скворец пустил соловьиную трель и поглядел вниз.

— Ну как, повеселил я вас?

— Повеселил, спасибо! — сказал Лёня.

— Спасибо! — повторила и Аринка.

— А теперь за работу! — крикнул Скворец. И улетел.

— Вот милый какой! — сказала Аринка. — Сколько трудится, а всё весёлый!

— Да ведь настоящим людям труд не в тягость, а в радость. Только лодырям работа всегда в тягость... — прошелестел Тополь.

В это время до них долетел звонкий Фенин голос:

— Ребята, где вы там? Куда пропали?!

— Идём! — крикнул Лёня.

— Бежим!.. — крикнула Аринка.

Они попрощались с Тополем и скворцами. И побежали к Фене.

— Ступайте домой, — сказала Феня, — обедать пора.

За калиткой их встретил Дружок. Он так обрадовался, когда увидел Лёню, что начал прыгать и визжать и всё старался лизнуть его в лицо.

Лёне стало стыдно, он совсем и забыл про своего Дружка!

— А ты до сих пор ждёшь?

— А как же! — радостно пролаял Дружок. — Ведь ты велел дожидаться!

— А если бы я до завтра не пришёл, ты всё и сидел бы и ждал?

— Всё и сидел бы. Ты велел ждать — ну и жду. И неделю ждал бы.

— А если всю жизнь?

— И всю жизнь ждал бы-ы-ы! — проскулил Дружок.

— Что ты, Дружок, всё лаешь да скулишь! — прикрикнула Аринка.

А Лёня ласково погладил его по лбу, по мягким ушам. И Дружок сразу забыл, как долго он ждал Лёню, как было ему жарко, как хотелось пить, как он выл потихоньку и жаловался на Лёню. Его погладили по ушам — вот он уже и счастливый!

— Пойду напьюсь! — весело гавкнул он. И, закрутив хвост, побежал к озеру.

Решение

Лёня встал пораньше и отправился в пионерский лагерь. Лагерь стоял у самой реки, в берёзовой роще.

Лёня ещё не дорос, чтобы носить пионерский галстук, и в лагерь его не брали. Но он хорошо знал туда дорогу. Он вообще знал все дороги вокруг своего села. А почему бы и не знать? Не чужой.

Дружок увязался было за ним, но Лёня велел ему остаться дома. Неизвестно ещё, пустят ли самого Лёню в лагерь. А если пустят Лёню, то неизвестно, пустят ли Дружка. А оставить его у чужих ворот всё-таки опасно. Среди пионеров тоже есть «герои», которым одно удовольствие запустить в собаку камнем или палкой.

Лёня шёл лугом по узенькой, розовой от солнца тропинке. Густая, набитая цветами, трава стояла по сторонам. Ромашки глядели на Лёню жёлтыми глазками, колокольчики кивали ему со всех сторон, маленькие дикие гвоздички вспыхивали, как малиновые искорки, — они очень старались обратить на себя внимание. А белая душистая кашка выбегала на самую тропинку, прямо под ноги.

— Я хоть и не крупная, и не яркая, но зато какой сладкий у меня запах — чувствуешь?

— Всё вижу, — отвечал Лёня, — всё чувствую!

Вдруг он заметил, что по лугу катятся тёплые золотые волны и все цветы поворачиваются в ту сторону, откуда эти волны идут. У Лёни стукнуло сердце.

Он уже видел такие волны, он знал их! Лёня поднял глаза — по лугу в своей золотой одежде тихо шло Солнышко.

— Солнышко, закройся немножко! — закричал Лёня и прикрыл глаза рукой. — Мне глазам больно!

Солнышко достало из овражка, из-под ракитовых кустов кусок утреннего тумана и закрылось.

— Ну, теперь можешь глядеть на меня?

Лёня отнял руку от лица.

— Теперь могу. Только теперь я почти тебя не вижу. Только жёлтое светится что-то.

— Видишь, какой ты! — засмеялось Солнышко. — То закройся, то не вижу. Однако это не беда. Вон бежит мой братец Дождичек, я ему мешать не буду. Каждый должен своё дело делать: я согреваю, он поливает. Я только полюбуюсь на него сквозь туманное облачко.

А по лугу и в самом деле бежал Дождичек. Длинноногий, лёгкий, серебряный. Бежал и поливал траву из большой лейки.

— Тебе поливальную машину пора завести! — крикнул Лёня Дождичку.

— И без машины управимся! — прошумел Дождичек и облил Лёню с головы до ног.
 — Эй! Эй! — закричал Лёня и побежал под ракитовые кусты. — Чего озорничаете!
 — Это я тебя поливаю, чтобы ты рос получше! — засмеялся Дождичек и зашумел, зазвенел по ракитовым кустам.

А Солнышко глядело на них сквозь облако и улыбалось.

Лёня весь мокрый стоял под кустами. Дождичек носился по лугу, плясал, поливал всё вокруг. А лейку держал то прямо, то косо, и получалось, что струйки бегут то прямые, то косые...

— Много ещё у тебя там в лейке? — крикнул Лёня. — Что мне тут — до вечера стоять?!

— А хоть бы и до вечера! — откликнулся Дождичек. — Да вот жалко — вода кончается!

Всё тише струйки, всё смирнее Дождик — не остаётся в лейке воды. Солнышко сбросило туманное облако, и всё кругом засверкало, заиграло разными огнями.

— А теперь давай сделаем ему радугу! — сказала оно Дождичку.

— Давай, так и быть!

И тут поднялась в небо семицветная дуга-радуга. Стоит, как высокие ворота, и светится над весёлой зелёной землёй.

— Видишь? — спросило Солнышко.

— Вижу, — ответил Лёня, — всё вижу.

— Вот то-то! А теперь иди по своим делам.

Радуга потихоньку погасла. Дождичек убежал за реку, за лес и скрылся.

А Солнышко взлетело на небо.

Лёня оглянулся ещё раз вокруг, вышел на тропинку и побежал в пионерский лагерь.

Но только он разбежался, как услышал, что его зовут.

— Эй, Алёшка, куда бежишь?

Лёня остановился. Из овражка вышли ребята — его товарищи Федя и Ванюшка. За ними следом показался и Корней.

— Вы где были? На реке? — спросил Лёня.

— На реке, — ответили ребята, — а ты куда?

— В лагерь иду, — сказал Лёня, — хочу физкультурой заниматься.

— А примут? — спросил Федя.

— Если бы приняли, то и я бы, — сказал Ванюшка.

— Попросимся, — сказал Лёня.

— Я тоже пойду, — сказал Корней. — Дурак я, что ли, дома сидеть?

— Пошли!

Ворота в лагерь были закрыты. Видно было только широкую, чисто выметенную аллею.

— Во! — сказал Корней. — Так вас и пустили!

— А мы — сквозь забор, — догадался Ванюшка, — там штакетник редкий.

— Тебе хорошо, — сказал Федя, — ты вон какой тонкий, везде пролезешь.

— Ничего. И ты пролезешь.

Штакетник и в самом деле был редкий — не изгородь, а так, лишь бы наметить границы лагеря. Ребята один за другим пролезли в лагерь и вышли прямо на площадку, где пионеры собираются на свои пионерские сборы.

Сейчас никакого сбора не было. Однако человек десять в красных галстуках стояли здесь кучкой и пели. А один большой парень, тоже в красном галстуке, подыгрывал им на баяне.

Они пели, но песня у них не ладилась. Видно, пионеры только разучивали её.

— Ещё раз. Снова! — скомандовал парень с баяном. Пионеры запели:

Зарядка бодрая с утра,

И песня в тишине,

И разговоры у костра

При молодой луне.

И птичий щебет на заре,

И листья в мокром серебре!

Как хорошо лесной покой

Вдруг горном разбудить,

Как хорошо дружить с рекой

И с солнышком дружить —

Плескаться в солнечной реке,

Лежать и греться на песке!

Лёне песня понравилась, и он начал тихонько подпевать. Слов он, конечно, не знал, но мотив уловил сразу.

Наш лагерь вспомнится зимой

В весёлый светлый час,

Как нас палил полдневный зной,

Как лес шумел для нас.

За эти дни — среди зимы —

Не раз спасибо скажем мы!

Тут что-то у пионеров не получилось, кто-то сфальшивил.

— Плохо! Плохо! — остановил их парень с баяном. — Вот, слушайте.

И он начал медленно выводить на баяне мотив. Он заиграл, а Лёня запел. Он и сам не ожидал, что запоёт. Но вдруг взял да и запел. И получилось очень хорошо!

— Смотрите, парнишка какой-то!

— Вот ещё певец нашёлся!

— Эй ты, певец, вылезай из кустов, иди сюда!

— Да тут их целый хор Пятницкого!

Ребята вышли из кустов. Пионеры окружили их и совсем оглушили разными вопросами.

Тогда большой парень — может, он вожатый? — спросил:

— Как же вы вошли в лагерь? Ведь посторонним нельзя сюда входить.

— А мы сквозь штакетник, — ответил Федя.

— Влезли, и всё, — добавил Корней.

— Вы что же — хотите с нами песни петь?

— Нет, нет, — поспешно сказал Лёня, — мы к физкультурнику. По делу.

— Тогда идите вон на ту полянку, где ребята играют в волейбол. Спросите там Иван Андреича. Он и есть наш физкультурник. До свиданья.

Ребята пошли на полянку. А баян снова заиграл, и пионеры снова запели:

За эти дни — среди зимы —

Не раз спасибо скажем мы!

Что сказал Иван Андреич

На полянке, окружённой молодыми берёзами, лежала жёлтым квадратом волейбольная площадка. Ребята в трусиках и майках играли в волейбол. Мячик взлетал то туда, то сюда — хлоп да хлоп! Ребята подпрыгивали за мячом, кричали, смеялись. И никто не заметил, как незваные гости подошли и остановились на краю полянки, возле берёз.

Но это они так думали, что их никто не заметил. Иван Андреич был на площадке судьёй, следил, чтобы ребята играли правильно. Но сам-то он не играл и поэтому сразу увидел незнакомых ребяташек. И тут же подошёл к ним. Иван Андреич тоже был в майке, и Лёня с завистью посмотрел на его мускулы, которые будто яблоки перекатывались на его руках.

— Вам что, ребяташки? — спросил Иван Андреич.

Лёня выступил вперёд:

— Нам нужен совет.

— Давайте сядем.

Они все уселись на зелёную скамейку. Эти зелёные скамейки стояли под берёзами вокруг всей площадки. Видно, тут пионеры отдыхают, когда устанут играть в волейбол.

Лёня сначала немножко робел. Но как посмотрел в добрые серые глаза Ивана Андреича, то сразу и перестал робеть.

— Так что же вы хотите, братцы? — спросил Иван Андреич.

— Мы хотим быть сильными, — ответил Лёня.

— Да, — подхватил Федя, — хотим сильными быть!

— Сильными быть! — повторил Ванюшка.

А Корней проворчал:

— Я хоть и так сильный, ну, всё-таки... и я. А чего ж?

— Хорошо, — сказал Иван Андреич. — А разве у вас в школе физкультурника нет?

— Он в поход ушёл!.. — Ребята заговорили все сразу. — С пионерами... До осени...

— Ладно. Я вам помогу, — сказал Иван Андреич. — Только прежде я хочу узнать: зачем вам нужно стать сильными? Вот ты, например, — он указал на Федю, — зачем тебе надо сильным стать?

— А я бы на соревнованиях все призы выигрывал! — сказал Федя.

— Только за этим тебе и сильным надо быть?

— А зачем же ещё?

— Не буду тебя учить, — сказал Иван Андреич и отстранил Федю. — Ну, а тебе зачем? — и указал на Ванюшку.

— А так просто, — ответил Ванюшка. — Ребята всё дразнятся, что мускулов у меня нету. А я бы сжал руку и сказал бы: а это что? Не мускулы?

— И тебя не буду учить. — Иван Андреич отстранил Ванюшку. — А ты что скажешь? Тебе зачем? — и указал на Корнея.

— Во! — усмехнулся Корней. — А ты сам, что ли, не знаешь? Чтобы всех побивать — вот зачем. Я ведь не дурак!..

— А тебя и близко не подпущу. Тебе сила не нужна. У тебя и ту силу, что есть, отнять надобно, — сердито сказал Иван Андреич. — Ну, а ты?

Лёня испугался, что Иван Андреич от него тоже откажется, и поспешил всё ему рассказать:

— Я вчера говорю отцу: «Научи, как мне сильным быть». А он говорит: «Работать надо, воду таскать». А потом говорит: «Сходи в лагерь, там физкультурник есть, он всё знает». Вот я и пришёл.

— Но для чего же тебе сильным быть?

— Для того, чтобы слабых защищать.

— А кто же эти — слабые?

Лёня вздохнул.

— Ну, птицы разные. Деревья. Цветы. Ребятишки маленькие, когда их большие обижают... Но ведь если защищать кого, надо самому сильным быть. А я — видите? — Лёня сжал кулак и согнул руку.

— Видите? Маленькие у меня мускулы. Как же я буду защищать? А вот был бы я, как Жаботинский...

— Дай руку! — сказал Иван Андреич.

Лёня протянул руку. Иван Андреич крепко пожал её.

— Как зовут?

— Алексей.

— Молодец, Алексей. Тебя я учить буду. Потому что тебе действительно надо быть сильным.

Иван Андреич велел всем ребятам идти домой. А Лёню повёл на спортивную площадку. Тут он показал Лёне, как подтягиваться на турнике. Лёня попробовал подтянуться на руках, но не вышло — руки слабые.

— Не сразу выйдет, — сказал Иван Андреич. — Потренируешься — будешь, как я, подтягиваться.

Даже ещё и лучше.

Потом он научил Лёню бороться с «тенью». Лёня сначала думал, что Иван Андреич шутит: как это бороться с тенью? Но Иван Андреич вовсе не шутил. С тенью бороться — значит представить себе противника и биться с ним.

— Видел, как боксёры бьются?

— Видел, — сказал Лёня, — по телевизору.

— Ну вот и это у тебя будет бокс. Бей крепче, вот так, кулаками!

И показал, как надо бить противника, которого нет, но который будто бы есть. То одним кулаком, то другим, то одним, то другим!

Лёня тоже, глядя на него, начал делать выпады — то одним кулаком, то другим. И так они оба крепко дрались с тенью, что чуть не задохнулись.

— А теперь ещё одно задание, — сказал Иван Андреич, — прыгать через верёвочку. Ну, это я тебе показывать не буду, это каждая девчонка умеет.

— Прыгать через верёвочку? — удивился Лёня. И опять он подумал, что Иван Андреич шутит. Ну, на турнике подтягиваться — это хорошо. И с тенью бороться — тоже, это бокс. А вот через верёвочку... Какой же толк от этого? Никакого толку. И ребята смеяться будут.

— Да, прыгать через верёвочку тоже нужно, — сказал Иван Андреич, — это тренирует дыхание. Бегать наперегонки — тоже хорошо. И этому я тебя учить не буду, это вы все, ребята, лучше меня умеете. Вот и всё пока. А то, что отец говорит — работать надо, так это правильно. И воду носить надо, и дрова колоть. Это всё только на пользу.

Потом он протянул Лёне руку.

— Ну, до свиданья, защитник слабых. Приходи почаще. Только не сквозь штaketник, а прямо в ворота. Я скажу, чтобы тебя пропускали.

Лёня сказал «спасибо» и пошёл домой.

Как Дружок и Кот помогли Лёне

С этого дня Лёня начал тренироваться. Утром он сказал:

— Мама, давай я схожу за водой.

— Что такое? — удивилась мать. — Никак, у меня помощник объявился?

— Объявился, — сказал Лёня, — и у отца помощник объявился. Буду дрова с ним пилить. И колоть тоже.

— Ох, Алексей, и хвастун же ты, оказывается! — сказала мать. — Дрова пилить, да ещё и колоть — уметь нужно и силу. А у тебя ещё ни уметь, ни силы нет.

— Нет, так будут. Давай вёдра.

Мать дала ему вёдра:

— Полные не наливай. Не дотащишь.

— А может, дотащу?

— Ты, Алексей, не задавайся, — сказала мать, — делай, что под силу, тогда и дело хорошо получится. Сначала на треть ведра черпай. Потом — до половины. А когда силы как следует прибавятся, тогда и полные вёдра будешь носить. Понял?

— Понял.

Колодец был неглубокий. Если заглянешь туда, то увидишь там голубой кусок неба и себя самого тоже увидишь. Будто в телевизоре.

Лёня не послушался матери, зачерпнул полное ведро. Зачерпнул, а вытащить не может. Отлил немного — ну, как? Нет, опять не вытащить. Так и отливал до тех пор, пока вытащить смог. И принёс столько воды, сколько мать велела, — на треть в каждом ведре.

— Вот и молодец, — похвалила мать.

А Лёня удивился: откуда же мама знала, сколько именно он донести сможет?

— Я теперь каждый день буду за водой ходить, — сказал Лёня. — Как увидишь, что воды мало, так

сразу меня зови!

— Ладно, — согласилась мать, — ты у нас теперь будешь главным водоносом.

Управившись с водой, Лёня вышел на крыльцо.

— Ну ладно. Тренироваться так тренироваться. Где у меня турник?

Лёня оглянулся вокруг.

— Да вот он, турник — перекладина над калиткой.

Лёня подпрыгнул, хотел ухватиться за перекладину — и не достал. Ещё раз подпрыгнул — и опять не достал.

Дружок крутился возле Лёни, заглядывал в глаза и всё старался понять, что это Лёня задумал? И не может ли он чем-нибудь Лёне помочь?

— Не вертись под ногами, — сказал ему Лёня. — Вот это и будет твоя помощь.

Лёня собрался с силами, подпрыгнул в третий раз... И опять не достал перекладины.

— Хи-хи! — ехидно усмехнулся Кот. Он сидел на крыльце и смотрел, как Лёня подпрыгивает, вытянув руки кверху. — Хватайся за воздух!

Кот лениво подошёл к калитке, прыгнул без разбега и уселся на перекладине. Он сидел на перекладине, чуть-чуть пошевеливал хвостом, смотрел куда-то вдаль и делал вид, что прыгнул сюда просто так, для своего удовольствия.

— Ладно, не хвастайся, — сказал ему Лёня.

А Дружок обиделся.

— Ему бы только хвастаться, — сердито залаял он на Кота, — у него только и дела всю жизнь, что прыгать! То за мышью, то за птичкой...

— Клевета! — поспешно сказал Кот. — За мышью — да. Но за птичками!..

— Гляди мне в глаза, — сказал Лёня.

Кот поглядел ему в глаза, но тут же и отвернулся.

— Я на этих птиц даже и не смотрю никогда. Я даже не знаю, какие они бывают!

— Скажи честное слово!

— Чес-не слово! Чес-не слово! Чесночное слово! Мяу! — прокричал Кот.

И чтобы прекратить этот разговор, соскочил с перекладины и ушёл куда-то.

«Да, — подумал Лёня. — Вот Коту это ничего не стоит — прыгнул вверх, прыгнул вниз. Как пружина. Почему это он всего только Кот — и он умеет. А я человек — и я не умею! Буду уметь!»

Он пошёл поискать где-нибудь перекладину пониже. И нашёл. Там, где у старой изгороди штaketина отвалилась, оказалась хорошая перекладинка.

Лёня подпрыгнул, ухватился за неё и повис на руках. Правда, он только повисел немного и спрыгнул на землю, подтянуться он никак не смог. Но всё-таки повисел!

— Сначала повисишь, — сказал Дружок, — а потом и подтянешься.

— А как наш Кот буду прыгать? Как ты думаешь?

Дружок даже фыркнул:

— Фу! Ещё выше будешь. Подумаешь, наш Кот. Что, Брумель ниже нашего Кота прыгает? А ведь Брумель тоже, как и ты, человек!

Потом Лёня боролся с тенью. Он так проворно делал выпады кулаками, так увёртывался от ударов противника и так его нокаутировал, что даже пожалел, что противник его только тень.

«Пускай бы Корней пришёл, — думал Лёня, — пускай поглядел бы. Он просто дерётся, лупит кулаками — и всё. А я теперь приёмы знаю».

Но Корней не появлялся. А появился как раз тогда, когда Лёня боялся, что он придёт. Как раз тогда, когда Лёня прыгал через верёвочку.

Прыгать через верёвочку Лёня ушёл на задворки, чтобы его никто не видел. Аринка постоянно прыгала через верёвочку, и Лёне казалось, что это очень легко. А когда сам стал прыгать, так верёвочка его совсем не слушалась — то под ноги попадёт, то вокруг ног запутается.

— Верёвка плохая попалась, — ворчал Лёня, — никуда не годится.

Но попрыгал-попрыгал, и верёвка стала слушаться. Раз-два! Раз-два! Вот как хорошо получается!

— Во! — вдруг послышался грубый голос. — Девчонка! Через верёвочку прыгает!..
Верёвка сразу перестала слушаться, упала Лёне на голову и запуталась в ногах.
Корней стоял у изгороди и смеялся.

— Я дыхание отрабатываю, — сказал Лёня.

— А зачем тебе дыхание отрабатывать?

— Чтобы сильным быть.

— Во! А зачем тебе сильным-то быть?

— Затем, чтобы тебя бить!

Корней удивился, задумался. А потом опять засмеялся:

— Ну да! Так я тебе и поверил. Дурак я, что ли? Ну-ка, ещё попрыгай, я погляжу.

Но Лёня уже не мог прыгать. Он свернул верёвочку кольцом и ушёл.

Вечером, когда отец вернулся с работы, Лёня сказал ему:

— Папа, я целый день тренировался. Посмотри-ка, покрепче у меня мускулы стали?

Лёня сжал кулак и согнул руку. Отец потрогал его мускулы.

— По-моему, покрепче, — сказал отец. — Но ведь один день тренироваться — это очень мало. Надо всё время тренироваться.

— Я теперь буду каждое утро за водой ходить. Это поможет?

— Конечно.

— А потом я буду с тобой дрова пилить. Это поможет?

— А как же!

Тут подошёл Кот и потёрся о Лёнины ноги.

— Я буду тебя учить прыгать, — тихонько промурлыкал он.

И Лёня ему так же тихо ответил:

— Ладно.

Опять поражение

Лёня каждое утро ходил за водой. Он наклонялся к колодцу, заглядывал в голубой квадрат и говорил:

— Здравствуй!

— Здравствуй! — влажным голосом отвечал колодец, и вода в нём чуть-чуть морщилась, словно от улыбки.

Сначала Лёня наливал ведра на одну треть. Потом стал понемножку прибавлять. Потом ведра стали почти полными. А Лёня особой тяжести не чувствовал, будто всё ещё треть ведра носил.

— Это у тебя силы прибавилось, — сказала мать.

Кот учил Лёню прыгать:

— Смотри!

И взлетал на столб или на изгородь.

У Лёни так не получалось. Но всё-таки теперь он мог уже допрыгнуть до перекладины над калиткой.

Потом подбегал Дружок:

— Давай наперегонки, а?

— Давай!

Они носились с Дружком по улице. И Аринка носилась с ними. Аринка и Лёня старались перегнать друг друга и перегнать Дружка. Друг друга они перегоняли, но Дружка перегнать им так ни разу и не удалось.

Как-то после обеда к Лёне пришли его товарищи.

— А мы за ягодами пойдём? — сказал Федя.

— Пойдём! Только за посудиною сбегаяю.

Лёня сбегал домой, взял кружку. Аринка увидела ребят, всё сообразила, схватила какую-то кастрюльку и тоже пошла с ними. По дороге прилипло ещё несколько человек: маленькая Таня и её подружка Алёнка, да белобрысый Прошка, да неотвязный Дёмушка.

Только Корней не пошёл. Он лежал в траве под берёзой и глядел на небо.

— Очень надо тащиться в лес по такой жаре, — сказал он. — Дурак я, что ли...

В лесу было зелено, разные цветы цвели на полянках, и солнечные лучи висели по всему лесу словно золотые полотенца.

И весело было в лесу — пели птицы, куковала кукушка, дятел стучал... А как пришли ребята, то в лесу ещё веселей стало. Загомонили, принялись аукаться. Таня и Алёнка начали петь:

Ягодка, появись!

Ягодка, покажись!

И ягоды отозвались на песенку. То здесь, то там среди зелени выглянула красная земляника. На солнечных бугорках — мелкие, сладкие. А в тени, в густой траве, — крупные, сочные, так сами и валяются в руку.

Ягод набрали, сами наелись и пошли домой. Когда вошли в деревню, то все подняли повыше свои кринки, кружки, банки, полные ягод. Пускай все видят, что не зря ходили!

Но ребята разойтись по домам не успели, как на пути у них стал Корней.

— Эй, дайте и мне ягод! — крикнул он.

— Ступай сам набери! — ответила Аринка.

А маленькие ребятки поскорей прикрыли свои ягоды руками.

— Дадите или нет? — спросил Корней.

— Не дадим! — хором ответили ребята.

— Не дадите — сам возьму, — сказал Корней.

Он бросился было к Аринке, но Аринка увернулась и побежала. А тут и все ребята разбежались в разные стороны.

Корней догнал маленькую Таню и схватил её за косичку:

— Ну-ка, давай ягод!

Таня закричала, стала вырываться, земляника у неё из кружки так и посыпалась...

Лёня сначала тоже побежал от Корнея. Но когда он увидел, что Корней нападает на маленьких, он поставил свою кружку на землю и бросился на Корнея как ястреб:

— Ты что — маленьких обижать? Маленьких, да?

И принялся дубасить его кулаками по спине. Корней отпустил Таню. Таня принялась собирать свою рассыпанную землянику. Алёнка стала помогать ей. Прошка и Дёмушка без оглядки бежали домой, спасая свои ягоды. А Корней и Лёня дрались.

— Опять лезешь? — приговаривал Корней. — Забыл, как тебе попало? Ещё получишь горячих! Вот тебе колотушка! Вот тебе другая!

— Получу, получу! — приговаривал Лёня. — А маленьких обижать не дам! Не дам!

Тут спохватились и Федя с Ванюшкой. Они поставили свои банки с земляникой в траву и бросились помогать Лёне.

— На защиту слабых! — крикнул Федя.

— На защиту! — повторил Ванюшка.

— Трое на одного, да? — закричал Корней. И отбежал в сторону.

— Что, испугался? — начал дразнить его Федя.

— Э! Испугался! — подхватил и Ванюшка.

— Я не испугался, — сказал Корней, — а дурак я, что ли, один с троими драться? Очень надо!

— Наелся колотушек, а теперь «очень надо»!

— Кто наелся?

— Ты наелся!

— Я наелся? Ну сейчас и вы наедитесь!

Корней толкнул Ванюшку в одну сторону, толкнул Федю в другую сторону. Ребята сразу упали в траву, а Корней и Лёня снова стали драться. И не успел Лёня опомниться, как уже лежал в траве, носом в крапиву.

— Съели? — сказал Корней. — Сыты? Или ещё добавить? — поглядел на них сверху вниз, сунул руки в карманы, засвистел лихо и пошёл по деревне. А по пути наподдал ногой все их банки и кружки, рассыпал ягоды, да ещё и растоптал.

Лёня поднялся, взял свою кружку с остатками ягод, потёр те места, где болело от колотушек.

— Ещё мало тренировался, — сказал он, — вот пойду в лагерь, к Ивану Андреичу, буду там тренироваться. Тогда посмотрим.

— А кто тебя туда примет? — спросил Ванюшка.

— Как же, так тебя туда и приняли! — проворчал Федя, вылезая из канавы.

— Примут, — сказал Лёня. — Иван Андреич приходит велел.

— А если мы тоже пойдём — примут? — спросил Федя. — Если мы тоже, как ты, защитники слабых? Лёня посмотрел на своих товарищей. У одного заметно надувалась шишка на лбу, у другого начинала проступать царапина во всю щёку... Да и у самого Лёни, он чувствовал, начинает припухать глаз — наверно, синяк готовится...

— А давайте пойдём! — сказал Лёня. — Попросимся получше. Один-то всех слабых, пожалуй, не защитишь!

Дома Лёня не знал, куда деваться. Лучше бы десять синяков, но только там, где их не видно, чем один синяк на самом виду — под глазом.

— Что-то как у нас светло сегодня! — сказала мать, собирая ужин. — Может, ты, отец, другую лампочку ввернул?

— Да нет, — ответил отец, — это Алексей фонарь зажёл.

Лёня молчал, терпел.

Потом пришла Феня с фермы. Она торопилась обратно, только взяла хлеба и молока. Но, как ни торопилась, разглядела-таки Лёнин синяк.

— О! — усмехнулась она. — С обновкой тебя, защитник слабых!..

Наконец наступила ночь. Лёня лежал и думал. На душе было нехорошо. Вот он и воду носит, и с тенью борется, и на руках подтягивается... А Корней всё-таки его бьёт. Наверно, ничего не получится. Может, бросить всё это?

Бросить! Значит, пусть Корней делает что хочет, а они все только будут на него глядеть?

В это время к Лёне на кровать прыгнул Кот.

— Не спишь? — промурлыкал он.

— Не сплю, — ответил Лёня.

— А можно, я около тебя лягу?

— Ложись, только в ногах.

Кот с удовольствием улёгся на одеяло. Помурлыкал, умылся. А потом опять спросил:

— Не спишь?

— Не сплю.

— Тогда я тебе расскажу хорошую сказку. Слушай... Жила-была хозяйка. Она была добрая. Молоко и сметану на лавке оставляла, никакими крышками не покрывала. Я молочко лакал, сметанку лизал. А хозяйка меня никогда не бранила... Спишь?

— Не сплю.

— Никогда не бранила, да ещё сала давала. Как поешь вкусно, так и бежишь на крышу. Сидим на крыше, поём песни на все голоса. Хорошо, весело. Так и надо жить — сладко есть, мягко спать, ни о чём не заботиться, делать что хочется, в драку за других не лезть, свою шкуру беречь — если, конечно, ты настоящий Кот... Спишь?

Лёня не ответил.

— Спит, — проворчал Кот. — Вот всегда так. Я ему хорошие советы даю, а он засыпает. Никогда, никогда наш Лёня не смог бы стать настоящим Котом!

Рассказ о Мыльном Пузыре

— Вот это да! — сказал Иван Андреич.

Все трое стояли перед ним разукрашенные — у кого синяк, у кого шишка, у кого царапина.

— Дрались?

— Дрались, — ответили все трое в один голос.

— Ребятишек защищали, — объяснил Лёня, — маленьких.

— Трудно мне будет вас всех принять, — сказал Иван Андреич, — посторонним в пионерском лагере быть не положено. Но, если вы Отряд Защитников Слабых... как же вам отказать? Ждите меня здесь.

Ребята уселись на зелёной скамейке и стали ждать. И каждый думал только об одном: примут? Не примут?

Может, и не приняли бы, если бы не Иван Андреич. Но он так убеждал начальника лагеря!

— Нельзя не помочь защитникам слабых. Какие же они будут защитники, если их самих бьют? И где же им набраться силы и умения защищать других, если они сами слабые? А в школе у них сейчас физкультурника нет и никаких спортивных кружков нет!..

И так Иван Андреич горячо убеждал начальника, что начальник наконец согласился и разрешил принять их в спортивный кружок, в младшую группу. Ведь из всякого правила бывают исключения! Ребята в кружке были хорошие. Они лишь немного были постарше, все из третьего, из четвёртого класса. А Лёня, Федя и Ванюшка тоже весной перешли в третий. Не велика разница.

Так и стали Лёня и его товарищи ходить на спортивные занятия в пионерский лагерь. Иван Андреич сам занимался с ними. Они бегали, плавали, скакали через верёвочку, подтягивались на брусках, боролись с тенью...

И каждый раз, пока ребята занимались, Дружок лежал у ворот лагеря и ждал Лёню. Иногда ждал очень долго.

«Что делать? — думал он. — Я — собака Лёни. А раз я собака — моё дело собачье: ждать».

Жарко ему было, пить хотелось, побегать по лесу хотелось. Но он лежал у ворот и ждал. И зато сколько радости было, когда Лёня наконец появлялся перед ним. Дружок прыгал, визжал, лизался. И Лёня никогда не забывал погладить его по лбу и по ушам. За одну эту ласку Дружок мог ждать его не то что час или два, а и день, и ночь, и целую неделю! И даже целую жизнь.

Труднее всего занятия давались Феде. Он был толстоват, и ноги у него были короткие. Подтянуться не мог, в беге отставал, в плавании задыхался...

И каждый раз просил:

— Ребята, помогите!

Это услышал Иван Андреич, посмотрел на него своими внимательными серыми глазами и сказал:

— Каждый должен делать то, что он сам может. И только на себя должен надеяться. А кто на чужую помощь надеется, с тем бывает дело плохо.

И когда наступил у ребят перерыв для отдыха, рассказал им такую историю.

— Вот послушайте, что у нас случилось, когда я был такой же, как вы, и ещё в четвёртом классе учился.

Помню, стоял ненастный день. Дождь с утра. А после дождя грязь, на улицу носа не высунешь.

Чем заняться? Вот я и придумал пускать мыльные пузыри. Выдуваю пузыри один за другим. Они летают у меня по комнате, красивые такие, переливчатые. Ну и, конечно, лопаются.

Но слушайте, что произошло дальше. Выдуваю пузырь. Пора бы ему уже и слететь с соломинки, а он всё больше и больше растёт. Разноцветный весь — и голубой, и жёлтый, и розовый. Все окна в нём отражаются. И я сам отражаюсь. Вот он уже надулся с мою голову. И когда надулся с мою голову, то оторвался и полетел. Я кричу:

— Мама, мама, иди скорей! Посмотри, какой у меня пузырь!

Но маме было некогда, она что-то делала в кухне. А Пузырь сел на подоконник и глядит на меня. Да, да. Представьте себе — круглое лицо у него получилось, щёки розовые, голубенькие глазки.

Глядит и улыбается:

— Спасибо, Ваня, теперь я буду на свете жить.

— Как это ты будешь жить? — кричу я. — Ты же Мыльный Пузырь!

— Ну и что же? — усмехнулся он. — А ты думаешь, мало Мыльных Пузырей на свете? Немало. И живут неплохо. До свиданья!

Я хотел его схватить. Да не тут-то было. Пузырь подскочил и вылетел в окно.

— До свиданья! Может, ещё встретимся! — крикнул он.

Я как сумасшедший выскочил на улицу. Смотрю, а мой Пузырь уже взлетел над сиренью и скрылся в соседнем саду.

Мама вышла на крыльцо, смотрит на меня:

— Что это с тобой?

— Пузырь улетел. Где же он теперь будет?

— Как — где? Лопнет, да и всё.

«Хорошо, если лопнет...» — думаю себе. А уж маме ничего не говорю. А что говорить? Разве она поверила бы, что Пузырь со мной разговаривал?

Прошло три дня. Наступило воскресенье. В этот день у нас, у ребят, было назначено состязание — кто скорей переплывёт реку. Вот и собрались мы, поселковые ребята, разделись, выстроились на берегу...

Вдруг с бугра бежит какой-то мальчик, кричит:

— Эй, подождите! Я тоже буду соревноваться!

Мы, конечно, рады:

— Давай становись!

Подбегает этот мальчишка, становится с нами в ряд.

— Ты откуда? — спрашиваем.

— Я из совхоза.

— А чей?

— Чей-ничей, не ем кирпичей. Мыльников я.

Я гляжу на него. Где же это я его видел? И вдруг узнаю! Да ведь это мой Пузырь! Глазки голубенькие, щёки розовые... «Тьфу ты, — думаю, — что же это такое мне мерещится?»

Тут вожатый нам скомандовал:

— Прыгай!

Мы все разом прыгнули, поплыли.

Я плыву, а сам на Мыльникова поглядываю. Гляжу, чего же он покачивается на воде у берега, а плыть не плывёт? Покачивался-покачивался, а потом вдруг как ракета мимо меня! И вот уж на том берегу!

Пока мы плыли, пыхтели, фыркали, а он уже обсох на травке. Все ребята начали его хвалить. Прямо до небес превозносят: вот так пловец, вот так удалец!

А я молчу. И всё думаю: «Если он человек, как все, то как же он мог в один миг реку перелететь?»

Тут мне один маленький парнишка Вовка и говорит:

— Вы ничего не видели, а я сидел на берегу и всё видел. Вы плывёте, а Мыльников у берега бултыхается, совсем плавать не умеет. Так и бултыхался бы. Но подул ветер, подхватил Мыльникова и прямо на тот берег умчал!

— Что ты мелешь? — говорю ему.

— Ничего не мелю. Ветер его перетащил!

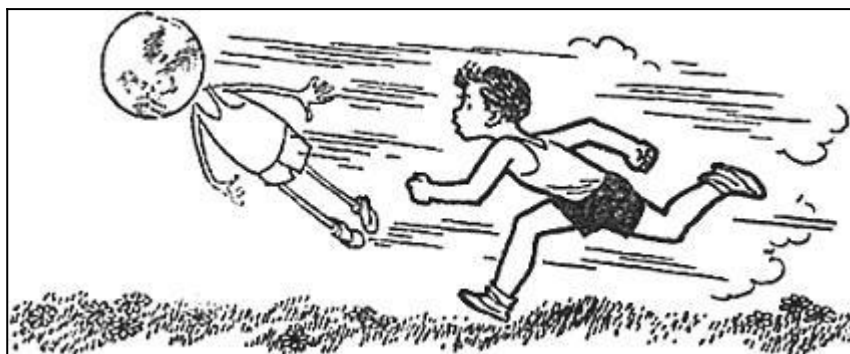
Выслушал я это и думаю: «Да, это мой Мыльный Пузырь. Но как докажешь?» Решил рассказать ребятам. А они меня на смех.

— Ты, — говорят, — просто ему завидуешь!

Я чуть не заплакал от обиды.

Потом у нас были состязания по бегу. Мы, все ребята, отправились на луг. Дистанцию назначили

метров пятьсот — от водокачки до дуба. Встали, выстроились. И Мыльников с нами стоит. Вожатый дал старт. Бежим. Я как ринулся, так ничего не видел вокруг себя. Видел только, что Мыльников ещё и с места не тронулся, когда я ринулся. Бегу... Вижу — первый бегу, ребята сзади пыхтят. Вот и дуб недалеко. Ещё поднажал... Пот глаза заливаает. Подлетаю к дубу — вдруг Мыльников вихрем мимо меня! Понимаете? Я к дубу, а он уже стоит у дуба, улыбается.

Ну, ребята опять кричат, хвалят Мыльникова. А я столько тренировался! И бежал отлично. Но этот увалень почему-то в один миг меня перегнал.

Вовка, наш болельщик, конечно, был тут же.

— Вовка, — говорю ему, — ты что-нибудь заметил?

— Заметил, — говорит. — Вы побежали, а Мыльников на месте топчется, семенит, как курица. Совсем бегать не умеет. Вижу — ищет ветерка попутного. Ветер подул — Мыльников подпрыгнул. Ветер его и отнёс к дубу. Вот что я заметил.

Я пошёл к вожатому и говорю:

— Это же Мыльный Пузырь. Он всяким попутным ветром пользуется, а сам-то не умеет ничего!

А вожатый смеётся:

— Брось завидовать, Ваня! Зависть — нехорошее чувство.

Так нас и дурачил этот Мыльников — первый спортсмен, первый чемпион в посёлке. А сам ходит, нос кверху, улыбка до ушей.

Я один раз ему сказал:

— Думаешь, я не знаю, кто ты? Ты же Мыльный Пузырь!

А он засмеялся:

— Знаешь? Ну и знай себе на здоровье!

— Смотри, лопнешь!

— Не лопну. Скорей ты лопнешь от зависти.

Скоро его выбрали председателем нашего спортивного кружка. Ходит, важничает. Только и знает:

— Тренируйтесь, ребята, работайте!

Но вот пришлось нам ехать в соседний район на спортивные соревнования. Тут и случилось это чрезвычайное происшествие.

Вышли мы в поле на состязание по бегу. Стоим, волнуемся. А вожатый смеётся:

— Что вы, ребята! Ведь Мыльников с нами!

Ну, как обычно, дают нам старт.

Бежим. Бежим так, что земли под собой не слышим. Мы тренированные, но и противники наши тоже не уступают. Бежим — дух вон! И всё-таки они нас обгоняют.

«Где же Мыло это, — думаем, — чего там дожидается?»

А Мыльникова нет и нет. Вот и финиш, я пришёл вторым. Первым пришёл парень из той команды. Но где же Мыльников?

Слышим крики какие-то, шум, смех...

— Лопнул! — кричат. — Лопнул ваш чемпион!

Оказывается, Мыльников прыгал, прыгал на месте, попутный ветер ловил. А ветра-то не случилось,

Он пыжился, пыжился да и лопнул.

Вот какие бывали у нас дела!..

...Иван Андреич замолчал. Ребята слушали его не шевелясь.

— Так и ты, Федя, — сказал Иван Андреич. — Не проси помощи, не жди попутного ветра. Чему сам научишься, то и будет твоё. А что другие за тебя сделают, твоим никогда не будет.

Вот и Корней заплакал!

Незаметно проходили летние дни. Лёне казалось, что эти деньки идут, взявшись за руки, будто в хороводе. Или как цветы в венке — синие, розовые, золотые... Синие как река, розовые как утро, золотые как солнышко.

— А у нас детки вылетели! — сказала как-то Феня. — Смешные такие!

Феня приходила домой по своим делам.

А когда собралась опять на ферму, Лёня отправился с ней.

Аринка сейчас же увидела, что Лёня пошёл с Феней.

— Лёня, на озеро?

— На озеро!

— И я!

Дружок тоже не отстал. Хотя он и знал, что на ферму его не пустят, что ему придётся ждать у калитки неизвестно сколько времени, но всё равно побежал за Лёней.

Лёня и Аринка сразу помчались к Тополю, который раньше был Пугалом.

А у Тополя было веселье. Целая стайка маленьких, ещё желторотых, скворушек сидела на ветках. И все они чирикали, пищали, звали отца и мать, требовали корма... А Тополь боялся даже листочком шелохнуть, чтобы не испугать этих деток.

Скворчиха-мать сначала встревожилась, когда ребята прибежали к Тополю. Но Тополь тихонько прошептал:

— Не бойся, это свои.

Скворчиха узнала Лёню и Аринку.

— Здравствуйте, — пропела она, — вот мои детки!

И полетела искать гусеницу или улитку. Дети её хоть и вылетали из гнезда, пищу себе находить ещё не умели. Тут явился Скворец с каким-то червяком. Птенцы бросились к нему, выхватили червяка и запищали ещё громче.

— Ну вот, видели? — сказал Скворец. — Чем больше кормишь, тем они голоднее! Мы уже все огороды обшарили, все капустные грядки осмотрели. А они всё есть просят!

— Э, э, как не стыдно! — сказала Аринка птенчикам. — И крылья у вас есть, и хвосты есть, и клювы, а вы всё за отцом да за матерью вяжетесь!

— А мы ещё не умеем! А мы не умеем! — запищали птенцы. — А мы не знаем, где улитки живут!

Прилетела Скворчиха с улиткой в клюве. Птенцы мигом выхватили у неё улитку и опять запищали.

— Беда с вами! — сказала Скворчиха. — Вздохнуть некогда. И придумали же люди песенку: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда!..» Отдыха мы не знаем — вот что! — И снова улетела.

— Ничего, ничего, — сказал Скворец, — скоро станут совсем взрослыми. Сами будут добывать пищу. К осени им надо как следует окрепнуть — полетят вместе со стаей в тёплые страны. А туда путь не близкий. Вы географию знаете?

— Не очень, — ответил Лёня. — А куда вам лететь?

— В Африку нам лететь, — со вздохом сказал Скворец, — очень далеко. Много дней летим туда. Но когда над землёй летишь, это ещё ничего. Можно опуститься, отдохнуть, поесть. А вот когда над морем, то и отдохнуть негде. День летишь, ночь летишь... Крылья уже как неживые, еле машут. Иногда думаешь — ну, конец, ещё раза два взмахну и упаду в море. Но сожмёшь клюв — и машешь, машешь... И на деток оглядываешься — как они? Не отстают ли, не падают ли?.. Хорошо, если

островок — так все птицы на него гурьбой. Мало ли нас, разных птиц, летит в это время! Местечка пустого не найдёшь на таком островке! Ну, хорошо ещё, если там живут добрые, умные люди, — те и покормят, и не напугают. А если, на беду, случится, что там живут злые-презлые люди, — так они нас тут и бьют, и прямо голыми руками хватают. А мы и взлететь не можем — сил нет...

— Ой, Скворушка! — прошептала Аринка со слезами.

— Как им не стыдно, — сердито сказал Лёня, — беззащитных убивать!

— Много нас гибнет в пути, — продолжал Скворец. — И в море падают, тонут. И о маяки расшибаются. Особенно ночью. Увидим свет — и летим, не помня себя от радости. А свет-то за стеклом. Об это стекло многие бьются, особенно молодые, неопытные... Ах, всего не расскажешь!

— А у нас зимовать никак не можете? — спросил Лёня. — Вон воробьи, синички зимуют же.

— Не можем, — ответил Скворец, — а то разве мы стали бы улетать на чужую сторону?

— А там вы тоже не можете остаться? — спросила Аринка. — Там же тепло, жили бы да жили!

— Что ты, Аринка! — Скворец даже крыльями взмахнул. — Здесь наша родина! Здесь мы родились, здесь наши отцы и наши детки здесь родились. Что ты, разве можно остаться где-то в чужой стране? Здесь наши гнёзда, здесь наши песни! Спою вам сейчас одну — и за работу. Видите, как пищат?

Скворец поднял голову, пропел какую-то весёлую песенку и взлетел.

Взлетел... и вдруг вскрикнул, затрепетал крыльями и упал в траву. Лёня и Аринка сразу вскочили, бросились к нему...

— Во! — сказал Корней и вышел из-за куста. — Ловко? С одного прицела!

Аринка взяла в руки убитого Скворца. Он был ещё тёплый, но сердце его не билось, и головка, залитая кровью, откинулась и повисла. Аринка закричала, заплакала.

Лёня побелел от ярости:

— Я тебя сейчас тоже с одного прицела!

Он бросился на Корнея и сбил его с ног.

Корней попробовал встать. Но Лёня снова сбил его с ног.

Корней барахтался в траве, а Лёня тузил его кулаками.

Наконец Корней вскочил и замахнулся на Лёню. Может быть, и на этот раз несдобровать бы Лёне, хотя он уже мог постоять за себя, но тут Аринка закричала изо всех сил:

— Феня! Феня! Иди скорей, Корней Скворца убил!

— Что такое?! — грозно отозвалась Феня. — Корней Скворца убил?! Ну, я сейчас с этим Корнеем поговорю по-своему!

— Подумаешь дело — Скворец! — сказал Корней. — Человек он, что ли!

Но тут Корней увидел, что Феня идёт к ним, подхватил свою рогатку и бросился бежать.

— Ты же у деток отца убил! — кричала ему вслед Аринка. — Ты у деток отца убил!..

Но Корней ничего не слышал. Он выбежал за калитку и заревел во весь голос от злости, что Лёня его отколотил, а он Лёню не ударил ни разу.

— Я вот скажу дома! — ревел он. — Я вам не дурак, молчать не буду!.. Все на одного!.. Ага? А ты, Алёшка, мне ещё попадёшься! У-у!..

Так он шёл и ревел. Ну и пусть ревет, мы его утешать не станем.

Эй, берегись, Корней!

Сегодня после занятий Иван Андреич проводил наших друзей до самых ворот.

— Как дела у вас, защитники слабых? — спросил он. — Пригодилась ли вам ваша сила?

— Пригодилась, — сказал Федя.

А Ванюшка поспешил объяснить:

— Лёня Корнея отлупил!

— Значит, опять подрались? — спросил Иван Андреич и поглядел на Лёню.

— Скворца жалко, — хмуро ответил Лёня.

— Корней Скворца убил, — тотчас пояснил Ванюшка.

— И что же это за человек ваш Корней? — удивился Иван Андреич. — У него, видно, в голове совсем пусто!

Федя усмехнулся:

— Что вы, Иван Андреич! Он у нас Корней-Всех-Умней!

— Так ты, Лёня, за Скворца проучил его или нет? — опять спросил Иван Андреич. — Победил ты на этот раз или нет?

— Победил, — сказал Федя.

— Победил, победил! — подтвердил и Ванюшка.

— Не знаю, — ответил Лёня, — я Корнея отлупил... Скворец детей кормит, а Корней его из рогатки!.. А так разве я стал бы драться?

— Ну, а всё-таки — победил ты его или нет?

— Всё-таки — не знаю. Феня к нам бежала. Ну, а он скорей за калитку. А если бы не Феня — может, опять он победил бы. Он сказал, что я ещё ему попадусь.

— Ничего, — сказал Иван Андреич и похлопал Лёню по спине, — смелее! Защитникам слабых не только сильными надо быть, но и смелыми. Пока вы только птиц да белок защищаете. Но потом, может, придётся и Родину защищать.

— А мы смелые, — сказал Федя.

— Мы смелые, — тут же подтвердил Ванюшка, — не задрожим!

— Дела у вас, я вижу, не плохие: то Лёня один был, а теперь у вас уже целый отряд! — сказал Иван Андреич.

— Отряд Защитников Слабых! — закричал Ванюшка. — Берегитесь все Корнеи!

— Правильно. Теперь у нас отряд, — сказал Федя твёрдо, будто печать поставил.

Тут аллея кончилась.

Иван Андреич простился с ребятами и закрыл ворота.

А три друга шли домой по лугу и громко пели:

Эй! Эй! Эй!

Берегись, Корней!

У овражка их поджидали Аринка и Дружок. Дружок радостно залаял и сразу бросился к Лёне.

— Как же ты ушёл! — лаял он. — Как же ты от меня ушёл украдкой! Я только задремал после обеда, а ты и ушёл!

Лёня погладил его по ушам:

— Ладно, не скули. Я просто будить тебя не хотел.

Аринка сказала:

— Ребята, примите меня в отряд. Я тоже буду защитником слабых!

Федя поглядел на Лёню:

— Примем?

— Примем, — сказал Лёня.

— Примем! — закричал Ванюшка. — Ура, в отряде народу прибавляется!

— А вот наши ребята из похода вернутся, ещё и не столько прибавится! — сказал Лёня.

И теперь они запели уже все четверо:

Эй! Эй! Эй!

Берегись, Корней!

Они вышли на лиловую колокольчиковую поляну.

И вдруг Лёня снова увидел знакомые золотые волны... Только сейчас они были неяркие, будто пригасшие. Эти волны шли по колокольчиковой поляне, и колокольчики наклонялись, гасили свой лиловый цвет, закрывались...

Лёня быстро оглянулся — где-то близко проходит Солнышко!

Солнышко тихо проходило стороной. Его золотая одежда светилась, но не слепила глаза.

— Глядите, — негромко сказал Лёня, — Солнышко идёт...

— Я вижу, — тотчас отозвалась Аринка, — я вижу, оно колокольчики закрывает!

Ванюшка и Федя начали оглядываться: где идёт? Кто идёт?

Вдруг и Ваня увидел. Идёт по широкой поляне золотое Солнышко в золотой одежде, смотрит на них и улыбается...

— И я вижу! — обрадовался Ванюшка. — Вон оно, смеётся!

— Где? Где? — Федя так и завертелся во все стороны. — Покажите, где?

— Да вот оно! — сказал Лёня. — Неужели не видишь?

— Солнышко, почему ты так тихо идёшь? — спросила Аринка.

— Я устало... — ответило Солнышко. — Много работы было — помогало колосьям наливаться, чтобы хлеб хорошо уродился.

— А почему у тебя платье не сверкает? — спросил Лёня. — Вот я на тебя гляжу, а глазам не больно.

— Потому что к закату иду, — ответило Солнышко, — на отдых.

— А где же твои горячие лучики? — опять спросила Аринка.

— Я их все по полям, по лугам и по рощам раскидало, — ответило Солнышко, — чтобы всё цвело, зеленело, колосилось...

Всё дальше, дальше Солнышко, всё тише его голос, всё бледнее золотые волны. Вот оно улыбнулось в последний раз, взмахнуло светлым рукавом... и пропало.

Ребята молчали, глядели туда, где пропало Солнышко. Даже Дружок присмирел.

— Гляди-ка, уже вечер наступил, — удивился Ванюшка, — а я и не заметил!

— А чего же я никого не видел? — хмуро сказал Федя. — И не слышал ничего?

— Ещё увидишь, — утешил его Лёня, — обязательно увидишь и услышишь!

— Темнеет, домой пора! — напомнила Аринка.

Ребята прибавили шаг.

Прошли через луг, через поле, мимо огородов.

Вот и деревня показалась.

— Глядите, наш Корней у околицы стоит! — сказала Аринка. — Лёню подстерегает! Давайте мы ему

нашу песню споём!

И ребята дружно запели:

Эй! Эй! Эй!

Берегись, Корней!

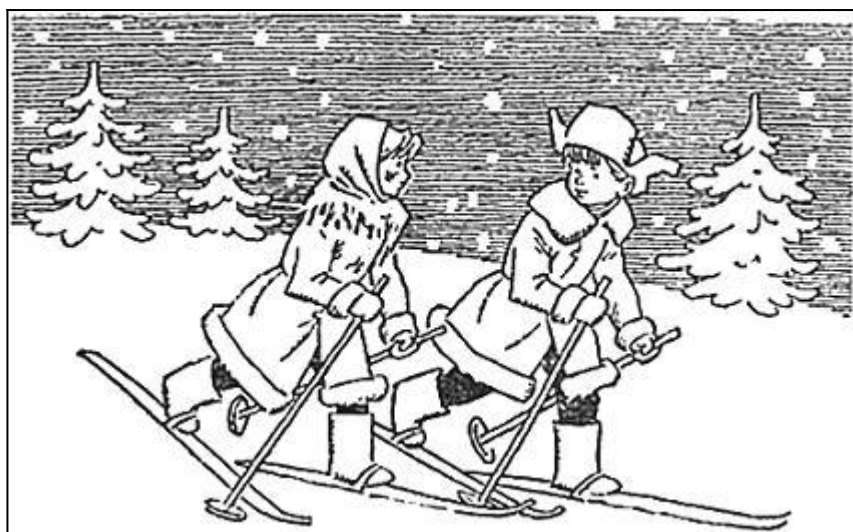
— Испугался я, как же! — сказал Корней-Всех-Умней. — Дурак я, что ли, вас бояться!

Корней показал им кулак, однако в драку не полез.

Да и вряд ли он теперь полезет в драку, вряд ли тронет птицу или белку или обидит маленьких ребят. На их защиту сразу встанут против него Защитники Слабых — благородный отряд Лёни и его товарищей.

В гостях у бабушки Марфы

«Эй вы, кони!»

— Вот какой сегодня нарядный денёк начинается, — сказала мать, — прямо с улицы не хочется уходить!

Она принесла из-под навеса дровец, подкинула в печку, чтобы жарче горело. Слышно было, как затрещала сухая берёста. А потом зашумел самовар — мать развела его горячими углями.

Лёня открыл глаза. В избе розовые от солнца окна светились морозным узором.

— В самый раз сегодня к бабушке сходить, — продолжала мать. — Как думаешь, Алексей?

— А что думать? — сказал Лёня. — Встану на лыжи — и айда!

Лёня откинул одеяло. Но тут у него в ногах зашевелился Кот. Он недавно пришёл с улицы, только успел отогреть лапы, и вот — пожалуйста! — вставать надо.

— И зачем это в такой мороз вставать? — недовольно заворчал Кот. — В постели тепло, мягко. Был бы человеком, спал бы с утра до ночи.

— Вот если бы я был Котом, — сказал Лёня, — так я и спал бы с утра до ночи и с ночи до утра, как ты. А я человек, у меня дела есть!

К завтраку пришли отец и Феня.

— Морозец будь здоров, — сказал отец, — так за руки и хватает, без рукавиц не поработаешь.

— А зато красиво, как на картинке, — сказала Феня, — и ещё во сне так разукрашено бывает!

Лёня мешкать не стал. Позавтракал, оделся и пошёл под навес за лыжами. Денёк и в самом деле был разукрашенный. Снег на улице лежал весь розовый, дорога по снегу совсем синяя, крыши с одной стороны розовые, с другой, где тень, — голубые. И дымки над крышами голубые с розовым. И всё сверкает кругом, всё искрится!

Лёня встал на лыжи, взял палки.

— Эй вы, кони мои, кони, — крикнул он, — застоялись за ночь!

Мать вышла на крыльцо.

— Так не забудь, Алексей, что я наказывала: спроси у бабушки, как её здоровье, не надо ли ей чего. Может, дровишек подвезти. Да скажи, что приедем за ней к празднику, хотим, чтобы Новый год она с нами вместе встречала. Не забудешь?

— Не забуду, — ответил Лёня.

И выкатил на своих «конях» на улицу. Дружок сейчас же выскочил за ним следом.

— А ты куда собрался? — сказал Лёня. — Я в другой колхоз еду, далеко.

— Ну и что же? — ответил Дружок. — И я с тобой.

Пятки отморозишь и заскулишь!

— Не заскулю. Я всё время бегом бежать буду!

— Ты чья собака? — сурово сказал Лёня. — Моя или не моя?

— Твоя... — жалобно твякнул Дружок.

— Так вот, если ты моя собака, то должен меня слушаться. Назад, в конуру!

Дружок понурил голову, опустил хвост и вернулся во двор. Лёне было очень жалко Дружка. Но как его взять? Ведь до того колхоза, где живёт бабушка, целых пять километров. Отморозит лапы — куда его тогда? На руках ведь не потащишь!

Не успел Лёня выехать на дорогу, как его окликнула Аринка.

— Лёня, и я с тобой!

— Вот, углядела всё-таки, — проворчал Лёня. — Я к бабушке Марфе. Куда тебе со мной, я ведь на лыжах!

— И я на лыжах.

— А как устанешь? Возись тогда с тобой. Небось и лыжи-то несмазанные!

Но Аринка будто не слышала Лёню. Она закрепила на ногах лыжи, схватила палки, выбежала со двора и встала на Лёнину лыжню:

— Поехали!

Лёня взмахнул палками:

— Эй вы, кони мои, кони! Кони резвые мои!..

И помчался по голубой, наезженной до блеска дороге.

Аринке некогда было кричать: «Эй вы, кони!» Она только об одном и думала, как бы ей не отстать от Лёни. Отстанешь — придётся вернуться домой. А это совсем неинтересно. Аринка очень любила Лёнину бабушку Марфу и очень любила ходить к ней в гости. Бабушка Марфа всегда приветит, чем-нибудь угостит да ещё и сказку расскажет.

— Вот дурачье! — сказал, глядя им вслед с крыльца, Аринкин брат Корней-Всех-Умней. — И охота в такую даль бежать! Подумаешь, бабушку им навестить надо. Я бы ни за что не пошёл, дураков нету!

Бабушка Марфа

Пять километров не близкий путь. Тут и пригорки, и овражки, и мосты через реку, и шоссе, которые надо пересекать. А на шоссе гляди в оба: машины летят и в одну, и в другую сторону.

Но Лёня и Аринка не в первый раз отправляются к бабушке Марфе. Дорога им хорошо известна, а через шоссе они переходят, когда машин совсем не видно ни справа, ни слева. Так Лёня и обещал матери: если не видно ни одной машины, тогда и переходить через шоссе.

А после шоссе началась тихая ровная дорога по большому лугу. И хорошо, что тихая да ровная, потому что Аринка устала и у Лёниных «коней» притупился шаг.

— Замёрзла? — опросил Лёня и оглянулся на Аринку.

— Нет, — ответила Аринка. — А ты?

— И я нет. А ты нос не отморозила?

- Кажется, нет.
- Ты его варежкой потри.
- Я тёрла.
- Ещё потри.
- Ладно.

Пробежали через широкий луг. Прошли через серебряную от мороза рощицу.

- Лёнь! — крикнула Аринка. — Ты устал?
- Немножко. А ты?
- И я немножко.
- Ладно. Скоро придём.

Кончилась рощица. Вышли в поле. Вот и бабушкин колхоз видно.

Бабушкин двор стоит на горе, его издали видно. Вокруг двора толпятся берёзы, закатное солнце их тоже раскрасило. И стоит бабушкин домик будто в розовом саду.

Не успели Лёня и Аринка отворить калитку, а бабушка Марфа уже вышла на крыльцо.

- А я так и знала, что у меня сегодня гости будут, — сказала она.
- А почему ты знала, бабушка? — весело отозвался Лёня. — Мы же тебе телеграмму не посылали!
- У меня сердце такое чуткое, — сказала бабушка, — и без телеграммы знаю. Я сегодня и печку жарко натопила, вас поджидала.

Лёня сбросил с ног лыжи. Помог Аринке снять лыжи. У неё, оказывается, так застыли руки, что и не слушались совсем.

Как хорошо войти с мороза в тёплую избу!

Лёня и Аринка ещё в сенцах обмели веником валенки, чтобы не наследить. Потому что пол у бабушки Марфы был чистый, белый, и через всю избу лежали на полу полосатые дорожки.

И вся изба у бабушки была чистая. Бабушка Марфа не любила обоев. И никакой новой мебели не любила. Стены в избе были бревенчатые, бабушка их каждую весну мыла мочалкой с мылом. Вместо стульев были широкие лавки вдоль стен. Бабушке ничего не хотелось менять в своей старой избе. Может, лучше, когда у стола стулья стоят, но бабушке Марфе больше нравилось так, как было в старину — лавки вокруг всей избы: где хочешь, там и сядешь.

Но телевизор бабушка Марфа всё-таки впустила в свой дом. Она любила смотреть по телевизору всякие дальние страны, узнавала все новости, какие происходят на свете. Слушала хорошую музыку.

И электричество провела. Электричество ей нравилось, потому что по вечерам в избе стало очень светло, можно книгу читать, вязать что-нибудь. И лампу заправлять не надо, от керосиновой лампы руки всегда пахнут керосином, не сразу отмоешь.

А светить керосиновая лампа не очень горазда, при таком свете и двух строчек не прочтёшь, даже если очки наденешь.

— Входите, входите, мои дорогие гости! — сказала бабушка. — Ух, как вас мороз-то разрумьнил — снегири, да и только! Не обижал он вас дорогой?

— Кто, бабушка?

— Да этот старый озорник-то?

— Какой озорник, бабушка?

— Ну, дедко Морозко!

Лёня и Аринка переглянулись, засмеялись.

— Немножко обижал, — сказала Аринка, — за нос меня всё хватал!

— А меня за уши! — сказал Лёня. — Только мы ему не поддавались.

— Ещё бы ему поддаваться! Ему только поддайся, он тут же и натворит какой-нибудь беды!

Бабушка разговаривала, а сама в это время собирала на стол. Налила горячих щей в миску, поставила блюдо студня, достала из подпола огурцов. Ну и вкусно же поели ребята, ничего вкуснее сроду не ели!

Старый озорник

Пока поели, пока поговорили, солнышко за окнами погасло. На улице засинело, вышел светлый Месяц на небо, заглянул в избу и бросил на морозные стёкла пригоршню серебряных огоньков. В это время что-то затрещало по стенам, будто палкой стукнули по брёвнам — и в одном углу, и в другом.

— Вон, слышите? — усмехнулась бабушка. — Сердится, по стенам палицей бьёт!

В ответ по стенам опять что-то словно стрельнуло. А мимо окон метнулась длинная белая борода.

Бабушка подошла к окну и крикнула:

— Не озорничай, Старый! Я вот уж выйду, задам тебе!

Лёня и Аринка засмеялись.

— А как ты ему задашь, бабушка? — сказал Лёня. — Разве ты с ним справишься?

— Да уж как-нибудь справлюсь! — проворчала бабушка.

Лёне после еды стало так тепло, так хорошо, что сразу разморило. Он прислонился к стенке, двигаться не хотелось, так бы и сидел до утра.

Аринка встала из-за стола, помогла бабушке Марфе убрать посуду. Бабушка достала из печки чугунок с горячей водой, Аринка стала мыть миски и ложки. Лёня смотрел на Аринку и на бабушку словно сквозь туман.

— Ложись, Лёня, спать, — сказала бабушка, — вот я тебе на лежанке постелю. А ты, Аринка, лезь на мою кровать. Кровать у меня широкая, тёплая. Ложитесь и спите себе.

— А где же ты ляжешь, бабушка? — спросил Лёня.

— А мне спать некогда, — ответила бабушка, — я пойду со Старым сражаться.

Бабушка надела шубу, повязалась тёплой шалью, взяла рукавицы, достала из ларя мешок с какими-то припасами, перекинула его через плечо...

Тут у Лёни сон сразу пропал. Он вскочил с лавки, схватил свою шубейку, надвинул на голову шапку.

— Бабушка, я с тобой!

— Куда это со мной?

— А со Старым сражаться!

— А я? — закричала Аринка. — Я буду дома сидеть? Ну уж нет!

Не успели оглянуться, как и Аринка собралась.

— Ну что ж, — сказала бабушка Марфа, — вместе веселей. А чтобы не с пустыми руками идти, возьмите в карманы орехов вон из той корзинки, что у печки стоит. Может, понадобятся.

Лёня и Аринка взяли орехов из корзинки, насыпали в карманы.

— А погрызть можно? — шёпотом спросила Аринка у Лёни.

— Если останутся, тогда погрызёшь, — вместо Лёни ответила бабушка.

Аринке стало неловко.

«Я ведь тихонечко сказала, — подумала она, — а бабушка всё-таки услышала...»

— Ну, в добрый час! — сказала бабушка Марфа. — Пошли!

И тут Лёня заметил, что бабушка как-то выпрямилась, стала выше ростом, глаза у неё засверкали, лицо засветилось. Она взяла из уголка свою палку-клюку, с которой всегда ходила, и вышла из избы. Лёня и Аринка поспешили за ней. Лёня пошёл было за лыжами, но бабушка сказала:

— А мы лыжи не возьмём. На что? Пройдём и так.

Ночь на улице стояла светлая, серебряная. Месяц смотрел на них сверху и улыбался во всё своё круглое лицо.

Бабушка Марфа пошла через задворки и через огороды прямо по сугробам.

— Идёт и в снег не проваливается! — удивился Лёня. — А вот я, пожалуй, сейчас с головой нырну!

Лёня всё-таки зашагал вслед за бабушкой по сугробам. И ничего, не провалился. Оглянулся на Аринку — и Аринка идёт себе, легко, как по литому серебру. Лёне стало так хорошо, так весело, что он даже засмеялся тихонько. Он почувствовал, что в эту ночь всё будет необыкновенно, как в хорошем волшебном сне.

Миновали огороды, вышли в поле. На небе сверкали звёзды. На снегу тоже всё искрилось и сверкало. Месяц горстями сыпал на снег мелкие серебряные огоньки. Но только вышли в поле, как вдруг поднялась пурга, снег поднялся облаком, вокруг зашумело.

— Перестань! — крикнула бабушка. — Зря стараешься, нас не испугаешь!

Тут из снега, из метели выглянул Дед-Мороз. Борода у него раскосматилась, из-под белых бровей сверкали синие ледяные глаза.

— Что захочу, то и сделаю! — хрипло крикнул он.

— А вот и не сделаешь, — ответила бабушка Марфа. — Ну-ка, подбирай бороду да уходи подальше! Дед-Мороз закрутился вихрем, промчался по полю и пропал в лесу. А когда крутился, то разметал снег с озимей. И зелёные ржаные всходы сразу задрожали на морозе.

— Вот что сделал, а? — сказала бабушка Марфа. — Ну не озорной ли старик? Надо поправить, а то хлеб замёрзнет.

И вот Лёня увидел, что бабушка взялась за край снежного одеяла, которым было покрыто поле, потянула его и укрыла нежные зелёные озими.

— Вот так-то и хорошо, — сказала бабушка, — так-то озими тепло будет.

— Бабушка Марфа, а разве снег тёплый? — спросила Аринка. — Ведь он же холодный. А почему же озими будет тепло? Я бы сразу замёрзла!

— Если поле без снега оставить, — ответила бабушка Марфа, — этот Старый только дохнёт на озими, они тут же и почернеют. А под снегом до самой весны останутся зелёными... Ишь ты, вот ещё прогалину сделал. Надо и тут закрыть...

Бабушка опять ухватилась за край снежного одеяла. Лёня бросился ей помочь, а сам думает: «Ухвачусь за снег, он у меня в руках и растает...»

Однако нет. Бабушка тянет, и он тянет. Натянули одеяло, укрыли озими. И Аринка помогала,

тянула за краешек, укрыла зелёную бороздку, которая ещё виднелась из-под снега. И ещё ладонью примяла, чтобы снег лежал плотнее.

Потом они с бабушкой Марфой обошли всё поле из конца в конец. Но прогалин больше не было, снег расстился ровно, пышно, как самое пышное одеяло. А Месяц всё посыпал и посыпал его серебряными огоньками.

Старый не унимается

Бабушка Марфа шла по сугробам легко и быстро. Лёня и Аринка бежали вслед за ней и смеялись. Так весело было им бежать по светлому серебряному полю!

Сначала они всё удивлялись, что ноги у них такие лёгкие, совсем не проваливаются в снег, а скользят по сугробам на невидимых лыжах. Но потом и удивляться этому перестали. Бежали вслед за бабушкой, немножко шалили. То Лёня Аринке ножку подставит — и Аринка лежит в снегу. То Аринка толкнёт Лёню — и Лёня летит под горку. А бабушка Марфа всё идёт да идёт. И прямо к лесу.

У самого леса бабушка спросила:

— Не устали?

— Что ты, бабушка, — откликнулись Лёня и Аринка в один голос, — мы совсем не устали!

Вдруг за ёлками взметнулась длинная белая борода, сверкнули из-под белых бровей ледяные глаза.

— А я ещё штуку придумал! — хриплым голосом крикнул Дед-Мороз. — Посмотрю, как вы догадаетесь! Хе-хе-хе!..

Захохотал, загукал, как филин, защёлкал палицей по ёлкам и скрылся в чаще.

— Я уж знаю, что ты всегда какое-нибудь недоброе дело придумашь! — крикнула ему вслед бабушка Марфа. — Но я не я буду, если твою штуку не разгадаю!

Бабушка вышла на широкую лесную поляну, остановилась, прислушалась.

— Слышите что-нибудь? — спросила она.

Лёня и Аринка тоже прислушались.

— Я ничего не слышу... — прошептала Аринка.

— А я что-то слышу, — сказал Лёня, — кто-то под снегом... как будто плачет.

— Это куропатки, — сказала бабушка Марфа. — Бедняжки зарылись в снег, чтобы от Мороза отдышаться. А старый злодей взял да их сверху настом задёрнул. Вот они там и задыхаются.

— А что ж делать теперь? — испугалась Аринка.

— Наст разбить — вот что.

Бабушка Марфа взмахнула своей клюкой и принялась разбивать наст. Наст лежал на снегу крепкий, как стекло. Но под бабушкиной палкой осколки так и летели во все стороны. Под настом оказался пушистый мягкий снег. И вдруг в одном месте, в другом, в третьем снег зашевелился, появились мягкие лунки, а из лунок выглянули куропатки.

— Мы чуть не задохнулись... чуть не задохнулись... — заговорили они все сразу тоненькими голосами. — Спасибо тебе, бабушка Марфа! Мы сейчас вылезем.

— И не вылезайте, — сказала бабушка, — тут близко Мороз ходит. Переночуйте в снегу. Утром, как солнышко взойдёт, так и вылезете. А наста больше не будет, я его весь разбила.

— Тогда мы поспим немножко... — сонным голосом отозвались куропатки, — поспим немного...

— Поспите до утра, — сказала бабушка Марфа. — Спите спокойно — я здесь, близко.

Куропатки снова юркнули в свои снежные гнёздышки и заснули.

Аринка схватила бабушку Марфу за рукав:

— Бабушка Марфа, но они же замёрзнут! Снег-то ведь холодный!

— Снег холодный, а Мороз — морозный. В снегу озябнут, а на морозе замёрзнут. А чтобы этим куропаткам завтра от Мороза не пропасть, оставим им немного корму!

Она достала из своего мешка пригоршни две зерна и рассыпала по всей поляне.

А Лёня смотрел на свою бабушку и думал:

— И как это она всё знает? Вот бы мне так!

Что ещё придумал Старый

Лёня заметил, что за большой орешинной опять мерцает белая борода, опять сверкают синие ледяные глаза.

— А я ещё кое-что придумал! Хе-хе!.. — услышался хриплый голос.

И тут за орешником прошумела метель и рассыпалась искрами.

— Что же это он ещё сделал? — задумалась бабушка Марфа. — Уж верно кто-нибудь из-за его придумок горюет... Эй, отзовись, кого Старый обидел?

— Меня! — отозвался сверху негромкий голосок.

И тут все увидели Белку.

Она печально сидела на сосновой ветке и глядела вниз на бабушку Марфу.

Лёня, а за ним и Аринка подбежали к сосне, на которой сидела Белка.

— Может, он ей лапы отморозил? — сказала Аринка.

— Нет, она просто есть хочет, — сказал Лёня. — Видишь, пригорюнилась.

— По-твоему, только и горе, когда есть хочешь. Знаю я тебя.

— Да, уж конечно, это хуже всего, — сказал Лёня, — если есть хочешь, а есть нечего. Попробуй останься без обеда, узнаешь тогда.

— У, подумашь, сколько раз оставалась. Как начнём играть, я и забуду про обед!

— Про обед забудешь, да потом поужинаешь так, что и за ужин и за обед! А если не пообедать и ужина нет, тогда что?

На это Аринка промолчала. Она подумала, что, пожалуй, и правда это очень плохо.

— Ну, что же он сделал, этот косматый, а? — спросила бабушка Марфа у Белки.

Белка спустилась пониже, уселась прямо над бабушкиной головой.

— Я всю осень запасала еду на зиму, — сказала она. — Сушила грибы, нанизывала их на ветки.

Собирала орехи в дупло. А он взял да и обломал все ветки с грибами, а потом засыпал их снегом и сверху приморозил. И так запрятал, что я даже не знаю, где их искать.

— Вот старый лиходей! — сказала бабушка Марфа. — Ну, орехи-то целы?

— Нет, — ответила Белка, он закидал дупло снегом и снег приморозил. Я сама оттуда еле выбралась.

— Белочка! — сказала Аринка. — Ой, а как же ты теперь будешь жить?

— Не знаю, — ответила Белка и опять пригорюнилась.

— А у нас же орехи есть, — закричал Лёня, — полны карманы!

— Вот и выкладывайте их! — сказала бабушка Марфа. — Самое главное сейчас, чтобы еда была. А дупло найдётся.

— Дупло найдётся! Дупло найдётся! — обрадовалась Белка и прыгнула прямо Лёне на плечо. — Были бы орехи!..

— А я-то про них совсем забыла! — спохватилась Аринка. — У меня ведь тоже орехов полон карман.

— Хорошо, что забыла, — сказал Лёня, а то бы всё сгрызла потихоньку.

Лёня выложил орехи на широкий пенёк.

— Вот они, орешки!

— Вот они, орешки! — повторила Аринка и тоже начала выкладывать свои орехи.

Белка даже хвост распушила от радости.

— Ой, сколько орехов! Ещё больше, чем было!

— Грызи, не ленись, — сказала бабушка Марфа, — и с голодными поделись.

— Поделюсь, бабушка Марфа, — ответила Белка, — обязательно поделюсь. А дупло тут есть недалеко, на старой берёзе.

Белка набила за щеку орехов и за другую щёку набила. И взвилась кверху по густым сосновым веткам.

— Ну, вот и хорошо, — сказала бабушка Марфа, а потом крикнула куда-то в морозную чашу: — Что, Старый? Придумал?

И пошла дальше, в лес. Аринка ухватилась за Лёнин рукав.

— Я боюсь, — прошептала она.

— А чего бояться? — храбро ответил Лёня.

Но сам был очень рад, что Аринка тут, рядом. Потому что ему тоже стало страшно. Лес кругом стоял глухой, молчаливый. Ни звука, ни голоса, только сучья кое-где от мороза потрескивают. Страшно заблудиться в таком лесу. Даже Месяц сюда еле-еле проглядывал одним глазком. И хотя старался он насыпать под ёлки лунного бисера, но на снег попало всего две-три искорки. Глубокие синие тени лежали на снегу.

Нечаянная встреча

Вдруг почти из-под самых бабушкиных ног метнулась и распушилась серебряная дедова борода.

— Чего под ногами путаешься, — сердито спросила бабушка Марфа, — чего ещё устроил? Говори! Дед-Мороз поднялся над сугробом:

— Просто сел отдохнуть, и всё. И ничего не устроил. А ты идёшь, под ноги не смотришь. Вот на бороду мне наступила.

Дед сделал вид, что очень обиделся, отвернулся, подобрал бороду и ушёл в чашу.

— А ведь лукавит Старый, — сказала бабушка Марфа. — Если не успел какой беды сделать, то всё-таки что-то задумал.

Она пошла следом за Дедом-Морозом. А старик будто того и хотел. И не останавливался, и далеко не уходил.

Лёня и Аринка еле поспевали за бабушкой Марфой.

— Гляди-ка, овраг! — крикнул Лёня. — Да какой глубокий!

Он выбежал вперёд к самому краю оврага, встал на круглую снеговую кочку. И вдруг эта кочка поехала-покатилась вниз по крутому склону. И Лёня покатился. Вокруг него поднялась пурга — и Лёня ничего не видит, и Лёню бабушка с Аринкой не видят.

— Ай! Ай! — сразу начала кричать Аринка. — Лёня в снегу утонул!..

— Так вот что Старый подстроил, — сказала бабушка Марфа с досадой, — и думает, очень хорошо!

— Хе-хе-хе!.. — засмеялся в ответ Дед-Мороз. Слышно было, что он очень радуется: подстроил-таки бабушке Марфе каверзу!

Бабушка Марфа тихонько пошла вниз, в овраг.

Аринка тоже стала спускаться следом. Она изо всех сил держалась за бабушкину шубу, чтобы не поскользнуться, а сама чуть не плакала. Лёни было и не видно и не слышно. Наверно, погиб совсем!..

А Лёня выкарабкался из сугроба, протёр от снега глаза. Где он? Да просто сидит на дне глубокого оврага, на большом снежном бугре. Над ним свесилась огромная старая ёлка... Поглядел наверх, а там далеко-далеко вверху висит Месяц и глядит на него одним глазком. Месяц уже не улыбался, он заглядывал в овраг — что там с Лёней стало?

— Алёшенька, не бойся, — слышался бабушкин голос издали, — мы к тебе идём!

— Я не боюсь! — крикнул в ответ Лёня. — Я бы и сам вылез, да не знаю куда лезть!

— Не бойся! — услышал он дрожащий Аринкин голосок. — Мы идём к тебе!

— Я не боюсь! — опять крикнул Лёня.

Но тут он услышал чей-то глубокий вздох под самым сугробом, на котором сидел.

— Ой, кто это?.. — прошептал он. Со страху у него пропал голос.

— Ау, Алёшенька! — позвала его бабушка. — Где ты?

«Здесь!» — хотел крикнуть Лёня, но только пошевелил губами, потому что под сугробом кто-то

опять вздохнул и даже застонал тихонько. Лёня хотел вскочить, но так испугался, что и шевельнуться не смог.

— Лёня, где ты?! — закричала Аринка уже со слезами. — Лёня, где ты?!

И тут Лёня увидел бабушку. Она раздвинула еловые ветки и глядела на него сверху с горы.

— Ты что же не откликаешься? — сказала она. — Разве не слышишь, как мы тебя зовём?

— Тише, бабушка... — еле вымолвил Лёня. — Прислушайся... стонет кто-то... охает!

Бабушка Марфа стала прислушиваться. Но Аринка увидела Лёню, обрадовалась:

— Вот он, бабушка Марфа! Вот! Живой!..

— погоди, погоди, — сказала бабушка Марфа. — Ну-ка, давайте все вместе слушать, кто там охает.

Они затихли все трое и стали слушать. И услышали.

— Ох-ох!.. — простонал кто-то. — Дышать нечем, совсем дышать нечем!..

Бабушка всплеснула руками:

— Да ведь это Медведь! Ведь это Мишку в берлоге снегом завалило. Вставай скорей, Алёшенька, давай ему окошко прокопаем!..

Лёня и Аринка принялись руками разгребать снег. А бабушка начала работать своей клюкой, да так ловко, будто не клюка была у неё в руках, а хорошая лопата. Разгребли сугроб, добрались до самой берлоги. Сделали Медведю маленькое окошечко, и оттуда сразу пошёл тёплый пар.

— Ну как, дышишь? — спросила бабушка Марфа.

— Дышу... — послышался из берлоги сонный медвежий голос.

— А чего проснулся?

— Страшный сон приснился... Будто меня поймали... И мешок на голову надели...

— Ну спи, спи, — сказала бабушка Марфа ласково, — никто тебя не поймал, спи спокойно до самой весны. Я ещё приду, тебя проведу. А то как бы тебе опять страшный сон не приснился.

— Сплю... — ответил Медведь.

И тут же легонько захрапел.

— Пойдёмте, ребята, — сказала бабушка Марфа вполголоса. — Не шумите, пускай спит. Медведя нельзя будить среди зимы. Не то пойдёт по лесу шататься, голодный, а от голода злой. И ему и людям от этого добра не будет.

— Бабушка, а почему он в сугроб залез? — шёпотом спросила Аринка.

— Спать улёгся на зиму, — ответила бабушка Марфа. — Постелил себе листьев, веток помягче, да и спит.

— А что же он там ест?

— Ничего не ест. Нагулял жиру с осени — тем и жив. Да и что ему зимой в лесу есть? Ни ягод, ни мёду, ни сладких кореньев. Пропал бы с голоду. А так он лежит и спит. А кто спит, тот есть не хочет.

Они шли вниз по оврагу, разговаривали тихонько.

— Ну скажи ты, пожалуйста, а? Медведя закопал. — Бабушка Марфа покачала головой. — Ну никак не догадаться, что этот Старый ещё придумает!

В ответ на её слова сейчас же послышалось из кустов:

— Хе-хе-хе!..

— Понимаю, — сказала бабушка Марфа, — уже придумал. Смотрите внимательней. Слушайте лучше.

Малыши под орешинной

И вскоре они услышали чьи-то жалобные, еле слышные голоса.

— Плохо... Очень плохо... Умрём...

Лёня бросился к орешнику, под которым кто-то плакал и собирался умереть.

— Остановись! — крикнула бабушка. — Не лезь туда!

Но Лёня уже сунулся под орешину. И сразу попятился. Он чуть не наступил на маленьких, совсем маленьких зайчат, которые сидели на подстилке из старых листьев. Зайчатки прижались друг к

другу и тряслись от холода. Их почти занесло снегом.

Лёня хотел взять их в руки, но бабушка опять закричала:

— Не трогай! Отойди назад!

— Да ведь они замёрзнут.

— Отойди, говорю!

Лёня отошёл от зайчат. Но он никак не мог понять, почему бабушка так на него кричит?

— Их, наверно, зайчиха бросила, — сказал Лёня, — они же пропадут теперь!

— Не пропадут, — сказала бабушка, — мать накормила их и ушла.

— А почему ушла? — огорчилась Аринка. — Сидела бы с ними.

— Она знает, почему ушла, — ответила бабушка Марфа, — у неё следы очень пахучие. А ведь покормиться ей надо? Надо! И если она будет всё время к зайчатам бегать, так по её пахучим следам любой зверь зайчат сразу отыщет.

— Один раз покормила — и всё, — сказал Лёня, — а потом что? А потом с голоду умирать, да?

— Не умрут, — успокоила его бабушка Марфа. — У зайчихи молочко жирное, им надолго хватит. А потом побежит мимо другая зайчиха, так и она их накормит. Если твои следы ей не помешают.

— А если помешают? — с тревогой спросила Аринка. — Тогда и никакая зайчиха не придёт?

— Услышит, что человеком пахнет, то и не придёт, — ответила бабушка.

— И тогда — погибнут?

— Могут и погибнуть.

— Видишь, что ты наделал! — набросилась Аринка на Лёню. — А тоже — защитник слабых! Какой же ты защитник? Из-за тебя зайчата погибнут теперь!

— А что я, нарочно, что ли? — рассердился Лёня. — Знал я, что ли?

— Да, не знал! — кричала Аринка. — Ты и Медведя чуть не задушил, уселся ему на голову!

Этого Лёня уже не мог стерпеть. Он сжал кулак и подступил к Аринке:

— Ещё слово скажи!

— Вот и скажу!

— Скажи, что я нарочно!

— И скажу!

— Э-эх!.. — остановила их бабушка Марфа. — Если случилась ошибка, надо думать, как эту ошибку поправить, а не кидаться друг на друга с кулаками.

— Это он — с кулаками... — прохныкала Аринка.

— Он с кулаками, а ты с обидными словами, — сказала бабушка Марфа, — а слова иногда больней кулаков бьют.

Бабушка подошла к зайчатам, стряхнула с них тяжёлые хлопья снега.

— Кто же это снегом-то вас закидал?

— Дед-Мороз! Дед-Мороз! — пропищали зайчата. — И всё дул на нас холодом!.. А мы голодные... Мы умрём!..

— Ну, видали? — с упрёком сказала бабушка. — И не стыдно Старому на таких маленьких напасть? Справился, нечего сказать.

Она сломала мохнатую еловую ветку, заровняла свои и Лёнины следы.

— Не горюйте, — сказала бабушка зайчатам, — скоро к вам прибежит зайчиха, она вас накормит и согреет. Вот и не умрёте.

— А что, если не прибежит? — пропищали зайчата.

— Прибежит, — сказала бабушка, — я пришлю её, не бойтесь! — А потом обернулась к Лёне и Аринке — Стойте здесь, не кричите и не шумите. Ждите, когда я приду.

И пошла куда-то вверх по оврагу. Всё дальше и дальше в лесной тишине бабушкины шаги, всё тише и тише похрустывает снег под её валенками. Вот и совсем затихло. Молчат ёлки, молчат сугробы. Зайчата притихли и тоже молчат.

Аринке стало страшно.

— Лёнь, а Лёнь...

Но Лёня будто не слышал. Аринка помолчала минутку. А потом снова начала:

— Лёнь, а Лёнь... ты боишься?

Лёня опять промолчал, будто не слышал. Где-то хрустнул сучок, какая-то тёмная птица бесшумно пролетела над головой. Аринка схватила Лёню за руку.

— Ой, Лёня!.. Ой, я боюсь!

Но Лёня молча отнял руку и отвернулся. Аринка слишком сильно обидела его. «Нарочно хотел погубить зайчат! Да ещё Медведя придушить хотел!..» Вот как она могла подумать про Лёню!..

— Ой, ой, — захныкала Аринка, — уж тебе и сказать ничего нельзя.

— Говори, что хочешь, — ответил Лёня, — мне всё равно.

— А ты со мной не будешь говорить?

— Не буду.

— Со мной?

— С тобой.

— Ну и ладно, — сказала Аринка и поджала губы, — и я не буду с тобой говорить.

Лёгкий шорох послышался на снегу. Бежит кто-то, какой-то зверёк. Ближе, ближе...

— Зайчиха! — прошептала Аринка. — Это её бабушка Марфа послала? Да, Лёня?

Лёня молчал.

Зайчиха подбежала поближе, принялась, остановилась.

— Ничего, ничего, — послышался ласковый голос бабушки Марфы, — это свои люди, они тебя не тронут.

— Не тронут? — переспросила Зайчиха. — А зачем они сюда пришли? К зайчатам?

— Мы шли мимо, Зайчиха, — успокоила её бабушка Марфа, — а Лёня не знал, что вы, зайцы, не выносите нашего запаха, что вы так нас боитесь, даже зайчат можете бросить. Ну откуда ему было это знать? А теперь знает. И близко к вашим зайчатам не подойдёт. Иди, не бойся, покорми малышей. А твоих малышей тоже какая-нибудь зайчиха накормит... Иди, иди!

Лёня и Аринка стояли неподвижно. Зайчиха ещё раз опасно оглянулась на них и юркнула под орешник, к зайчатам, которые всё пищали потихоньку. Но пришла Зайчиха, и они сразу примолкли.

— Вот и хорошо, — сказала бабушка Марфа, — покорми их как следует, чтобы им надолго хватило. А вы, ребята, пойдёте отсюда... Уходим, уходим, Зайчиха! Ушли!

И они все трое пошли дальше, вниз по оврагу. Лес расступился, впереди заблестела льдом река. А Месяц увидел их, улыбнулся и снова начал целыми пригоршнями бросать им под ноги серебряные

ОГОНЬКИ.

Ещё одна встреча

Они вышли из оврага на широкий прибрежный луг. Летом здесь растёт высокая густая трава. А в траве разные цветы — и ромашки, и колокольчики, и красная дрёма, и высокие розовые метёлки щавеля...

Летом этот луг бывает весёлым, пёстрым, над ним летают разные бабочки, пчёлы, шмели. А высоко в небе над этим лугом всегда поёт жаворонок. Но сейчас на лугу было тихо, бело. Только Месяц старался украсить искорками снежную белизну.

— Вы что замолчали? — спросила бабушка Марфа. — Может, утомились?

Лёня только шмыгнул носом.

— А он со мной не разговаривает, — сказала Аринка. — Я говорю, а он не отвечает...

— Ты почему ей не отвечаешь? — спросила бабушка Лёню.

— Она говорит, что я зайчиков хотел придушить, — ответил Лёня, — и Медведя тоже... Что я нарочно всё делаю?..

— Так ты что же, Аринка, и вправду так думаешь? — спросила бабушка Марфа и остановилась.

Лёня и Аринка тоже остановились. Лёня глядел в сторону, на ледяную речку.

— Ничего я так не думаю... — ответила Аринка и насупилась. — Уж ничего и сказать нельзя.

— Ничего плохого про человека понапрасну говорить нельзя, — сказала бабушка Марфа, — и обижать человека понапрасну нельзя.

— Да я же не стала сердиться, — прохныкала Аринка, — я сразу стала с ним разговаривать! А он...

— Ты его обидела — так чего же тебе-то ещё и сердиться? Это он должен сердиться, ну вот он и сердится!

— И всегда теперь будет сердиться? Да?

— Зачем же всегда? Подойди к нему и скажи, что ты перед ним виновата. И что больше ты понапрасну обижать его не будешь. Вот он и не станет больше сердиться.

Аринка надула губы, опустила голову и молча перебирала конец шали.

— Ну, что же ты, Аринка? Стыдно тебе, что ли? Обижать человека — вот что стыдно. А признать себя виноватым никогда не стыдно. Или, может, ты и не виновата совсем?

— Виновата... — прошептала Аринка.

— Ну вот, Алексей, слышишь? Аринка повинилась. Теперь и ты повернись к ней лицом. И всё забудь.

Но Лёня по-прежнему стоял отвернувшись и хмуро молчал.

— Э! Так не годится! — рассердилась бабушка Марфа. — Разве можно дружбу терять? Дружба в жизни дорого стоит. Может, дороже всего! Верную дружбу потеряешь — себя накажешь. Очень тяжело себя накажешь. Захочешь воротить потом, да не воротишь. Ну как ты будешь без Аринки? Ну-ка?

— Как — без Аринки? — встрепенулся Лёня. Он сразу повернулся, посмотрел на бабушку, на Аринку.

— Ну вот, видишь, — сказала бабушка, — оказывается, нельзя без Аринки-то.

— Конечно, нельзя, — проворчал Лёня.

— Вот и всё! — сказала бабушка. — Значит, этому разговору конец!

Аринка сразу заулыбалась, и у Лёни тоже стало на душе легко и весело.

— Э... — сказала бабушка Марфа, приглядываясь, — да там кто-то к нам жалуется!

— Лось... — прошептал Лёня. — Сохатый!

— Ой! — охнула Аринка. — Мы пропали!

Лёня схватился за бабушкину клюку.

— Дай скорее! Я его не подпущу!

— Тише, тише, — сказала бабушка Марфа, — не пугайтесь... Пойдём-ка поговорим с ним, может, ему что от нас нужно. Может, у него беда какая.

Лось стоял на луговине и смотрел на них. Он не собирался нападать. Но и не уходил с дороги.

Бабушка Марфа смело пошла ему навстречу.

— Что-то бока у тебя сильно подвело! — сказала она. — Голодный, что ли?

— Совсем голодный, — ответил Лось сиплым голосом. — Кругом наст, не пробить копытом. Всё заморожено. Совсем сил нет. И воды нет. Только что снегу погрызёшь...

— Всё заморозил, Старый! Постарался, — сказала бабушка Марфа. — А как это ты говоришь, что воды нет? Тут на реке посередине всегда прорубь была.

— Всегда была, — ответил Лось, — а теперь и её Мороз заморозил.

— Хе-хе-хе!.. — слышалось за сугробом. — Что? Попили водички? Поели травы? Хе-хе...

И над блестящим жёстким настом заколыхалась белая борода, будто дым заструился по сугробу.

— Рано смеяться, — сказала бабушка Марфа и взяла покрепче в руку свою клюку, — сейчас воды достанем.

Бабушка вышла на середину реки. Лёня и Аринка — за ней. А Лось стоял на берегу и ждал.

Лёня живо взял из бабушкиных рук клюку.

— Дай-ка я. Только скажи, где пробивать?

— Вот тут пробивай.

Лёня ударил клюкой по льду, полетели кругом светлые осколки. Ударил ещё, да ещё, да ещё... Ему стало жарко, но он продолжал колотить лёд. Уже глубокая ямка сделалась, а до воды ещё далеко.

— Теперь давай я, — сказала Аринка, — а ты отдохни.

— Отойди. Ты не сумеешь.

— Ага! Отойди, как же! А я что — не человек?

Аринка выхватила у него клюку и тоже принялась бить по льду. Но и у неё лишь мелкие осколки летели из-под клюки. А воды всё не было.

Тогда взяла свою клюку бабушка Марфа. И так принялась крошить лёд, что осколки полетели большими кусками. И тут же в проруби показалась вода.

— Слышишь, как речка журчит? — обрадовалась Аринка. — Я слышу!

— И я слышу, — сказал Лёня.

— А видите, как рыба идёт к проруби? — спросила бабушка Марфа. — Вон как плывут, торопятся подышать воздухом!

И Лёня вдруг увидел, как со всех сторон под толстым льдом плывут к проруби рыбы, толпятся, шевелят жабрами, дышат...

— Эй-эй! — донёсся с берега хриплый голос. — Зачем лёд разбили? Я тут трудился не знаю как, а вы — разбивать?

— А не трудился бы ты, Старый, так сильно, — ответила бабушка Марфа, — вот и нам бы трудиться не пришлось! — И сказала Лосю: — иди сюда. Напейся.

Лось подошёл к проруби и стал пить хорошую чистую речную воду. А как напился, поднял голову и стряхнул светлые капли со своих бархатных губ.

— Ну вот, — ласково сказала бабушка Марфа, — а теперь беги вон туда, по берегу. Там увидишь стожок сена. Ступай, покормись. Это я для вас, для лосей, да для зайцев ещё с осени приготовила. И другим лосям скажи — пускай покормятся.

— Спасибо, — сказал Лось, покивал своими большими рогами и побежал по берегу в ту сторону, куда показала бабушка Марфа.

— Бабушка, — спросил Лёня, — откуда ты знала, что лосям сено понадобится? Кто же тебе сказал?

— Подумала немножко — только и всего, — ответила бабушка, — вот и позаботилась. Разве надо ждать, чтобы кто-то тебе сказал? Любить их всех надо, жалеть. Тогда всё сам знать будешь.

А Дед-Мороз ещё придумал

— Бабушка, а Дед-Мороз на тебя злится теперь, — сказал Лёня, — правда?

— Пускай злится, — ответила бабушка Марфа. — Я вот гляжу, что он такое ещё придумает?

— Смотрите, смотрите, — сказала Аринка, — что это на снегу?

По всему лугу, по белым сугробам, разлился слабый розовый свет. Никто и не заметил, как этот свет появился и откуда он взялся.

— Да это заря встаёт, — сказала бабушка Марфа, — утро недалеко...

Лёня посмотрел на небо. Там ещё светились звёзды, но уже не так ярко. Лёгкий туман заволакивал их.

Месяц спустился к вершинам ёлок. Лёне даже показалось, что он сидит на еловых ветвях, свесив серебряные ножки. Месяц улыбнулся Лёне, а потом зевнул и прикрыл глаза.

«Спать хочет», — подумал Лёня. И тоже зевнул.

— А, — сказала бабушка Марфа, — как я погляжу, домой пора. Старый тоже, видно, уgomонился.

Они шли мимо рощицы. И вдруг Аринка схватила Лёню за рукав:

— Гляди-ка! Вон он! В роще!

Лёня и бабушка Марфа остановились. Да, в роще гулял Дед-Мороз. Он ходил от берёзы к осине, от осины к рябине, от рябины к ясеню... И всюду развешивал густые белые кружева. Кружева эти плотно окутывали ветки, спускались вниз пушистой бахромой, сверкали разноцветными огоньками...

— Как красиво! — сказала Аринка. — Всю рощу нарядил! Надоело ему только плохое делать, вот теперь и старается. Наверно, чтобы его похвалили. Правда, бабушка Марфа?

Но бабушка нахмурилась.

Лёня не знал, что и подумать. Роща под руками Деда-Мороза становилась всё красивее, всё наряднее... А бабушка всё больше хмурилась.

Они все трое подошли поближе к рощице и опять остановились. Дед-Мороз взглянул на них ледяными глазами, засмеялся — хе-хе-хе! — и пошёл дальше.

Шёл и опутывал ветки пушистыми кружевами, шёл и развешивал по деревьям белую пряжу...

— Хе-хе-хе! — смеялся он хриплым голосом, а сам всё оглядывался на бабушку Марфу, будто хотел сказать: «Ну, а что ты теперь делать будешь?»

Вдруг над рощей поднялась стая розовых птиц. Птицы увидели бабушку Марфу, спустились ниже и стали кружиться над её головой и кричать.

— Корма нет! Корма нет! Дед-Мороз всё закутал инеем! Ни почек, ни семян — ничего!

Бабушка Марфа помахала им рукой:

— Спускайтесь — будет корм!

Сняла с плеча мешок и сказала:

— Ну-ка, ребята, помогите.

Она раскрыла мешок. А там был всякий птичий корм: семена берёзы, ольхи, ясеня, сухие ягоды рябины, еловые шишки, полные зёрен... И даже кусочки сала для синиц.

— Берите горстями и разбрасывайте по снегу, — сказала бабушка Марфа. — Подальше разбрасывайте, чтобы всем досталось.

Лёня и Аринка принялись разбрасывать птичий корм. А бабушка взяла кусочки сала и наколола их на острые сучки. Птицы сразу опустились на снежную луговину и стали клевать.

— Лёня, — сказала Аринка потихоньку, — они ведь были розовые. А сейчас и не розовые совсем. Обыкновенные снегири да синицы... Да вон трясогузки ещё.

— А чем эти птицы хуже розовых? — сказал Лёня. — Это самые лучшие птицы. И самые красивые, если хочешь знать. Они с нами зимуют, холод терпят и голод. А тебе только розовых надо? Да?

— Я же и этих кормлю! — ответила Аринка. — Ты что, не видишь? — И добавила еле слышно: — А всё-таки я хочу, чтобы розовые... Ну, а если я люблю розовых? Вот ещё!

Птицы весело и проворно подбирали корм. Снегири и трясогузки собирали всякие семена. Клесты теребили еловые шишки. Синички клевали сало. Такой весёлый пир начался на снежной луговине!

В это время на опушку рощи вышел Дед-Мороз. Он хотел засмеяться — вот, мол, как я инеем ветки облепил, пускай птицы поплачут! — но разинул рот и закрыть забыл. Хотел оставить птиц без

корма, а бабушка Марфа и тут его перехитрила!

Дед-Мороз с досадой надвинул свою лохматую белую шапку на свои лохматые белые брови, повернулся и ушёл в лес. Он шёл по лесу и сердито щёлкал палицей по деревьям, шёл и щёлкал. А бабушка Марфа смеялась:

— Что? Видно, больше ничего придумать не можешь. Ступай-ка поспи где-нибудь в снегу, в овраге.

Дед-Мороз ушёл. Стало тихо. Только птицы щебетали, переговаривались. Бабушка Марфа посмотрела на небо.

— Заря разгорается, — сказала она. — Пожалуй, пора домой.

Но Лёне вовсе не хотелось домой. Ведь если они сейчас уйдут из леса, то кончатся все их лесные приключения, и всё станет обычным, таким, как всегда. Он покосился на Аринку. Аринка зевала и тёрла кулаком глаза.

Бабушка Марфа скорым шагом пошла прямо через снежный луг, через розовые сугробы. Лёня и Аринка поспешили за ней. Хочется домой или не хочется — без бабушки здесь не останешься.

А дорога, по которой они шли, вся сверкала розовыми огоньками. И небо наполнялось розовым светом. Птицы наклевались, зашумели крыльями, поднялись всей стаей над головой — и тоже стали совсем розовыми.

— Спасибо, бабушка Марфа! — кричали они. — Спасибо, бабушка!..

— Ну что ж, — сказал Лёня Аринке, — тебе хотелось розовых птиц? Вот они!

— Я вижу! — сказала Аринка.

Она подняла лицо, глядела на птиц и улыбалась.

— Значит, теперь они тебе хорошие, да?

— Да...

— Эх ты, — с упрёком сказал Лёня, — а ведь это всё те же снегири и синички!

— А всё-таки они розовые...

Птицы летели над головой, пели, щебетали, чирикали кто как мог. И только у самой деревни рассеялись и отстали.

— А где же Месяц? — вспомнил Лёня.

Он поглядел на небо. Месяц только краешком выглядывал из-за дальних ёлок. Он улыбнулся Лёне в последний раз и скрылся за ёлками.

«Пошёл спать, — подумал Лёня, — сейчас и мы...»

И так вдруг захотелось в тёплую постель, под тёплое одеяло... Веки стали тяжёлыми, а потом и совсем закрылись, и он упал куда-то в мягкую, ласковую теплоту.

Дома

Утром, проснувшись, Лёня лежал, не открывая глаз, и старался понять: сон ли ему снился, или вправду они с бабушкой всю ночь ходили по лесу?

Старался понять, но так и не понял.

«Посмотрю, что Аринка скажет», — решил он и открыл глаза.

Он лежал на тёплой лежанке, прикрытый сверх одеяла бабушкиной шубейкой. Лёня приподнялся, посмотрел на Аринку. Аринка спала на широкой бабушкиной постели, подложив руку под свою румяную щёку.

Бабушка возилась у печки. Она заметала шесток веничком — значит, печка уже протопилась.

«Когда же она встала? — подумал Лёня. — Или не ложилась совсем?»

Бабушка закрыла печку заслонкой. На столе у неё уже шумел самовар.

— Ребятишки, — сказала бабушка, — не пора ли вставать?

Лёня тут же сбросил с себя одеяло и шубейку и спрыгнул с лежанки.

— Эй, соня! — крикнул он Аринке. — Вставай! Или ты у бабушки жить останешься?

Аринка открыла глаза, потянулась... Посмотрела на Лёню и сразу села в кровати.

— Ты когда щёку расцарапал?

Лёня взялся за щёку — царапина. Ведь это он оцарапался, когда к зайчатам под куст полез... Аринка и Лёня смотрели друг на друга... Так, значит, это не сон был?

— Живо одеваться, живо умываться! — сказала бабушка. — Дракона готова, самовар кипит.

Лёня умылся, вихор на лбу как следует примочил. И ещё раз пощупал царапину на щеке. Если всё это ему во сне приснилось, то откуда же царапина?

Аринка тоже встала. Взялась расчёсывать косу. А из косы посыпались еловые иголки.

— Ты что, ночью по ёлкам лазала? — сказал Лёня.

— А это когда мы по оврагу шли... Там ёлки такие лапастые — помнишь? Вот я косою и зацепилась.

Лёня уставился на Аринку. Ведь это ему снилось, что они шли по оврагу. А откуда же Аринка знает? Бабушка Марфа поставила на стол горячую дракону — мятую картошку с яйцами и со сметаной. Тёплый, вкусный запах пошёл от неё по всей избе.

Лёня и Аринка живо уселись за стол.

— Ешьте как следует, заправляйтесь, — сказала бабушка Марфа, — да и в путь. Надо прийти домой засветло, ночью по дорогам ходить не годится. А зимний день короток.

Лёня перестал жевать, взглянул на бабушку. Как это она говорит, что ночью по дорогам ходить не годится, а сама?..

Но сказать об этом не решился. Он всё ещё не знал, вправду ли это было, или ему всё во сне приснилось? Пожалуй, скажешь, а бабушка смеяться начнёт!

Лёня и Аринка плотно позавтракали. И мешкать не стали, оделись, вывели из-под навеса свои лыжи.

— Спасибо, бабушка! — сказал Лёня.

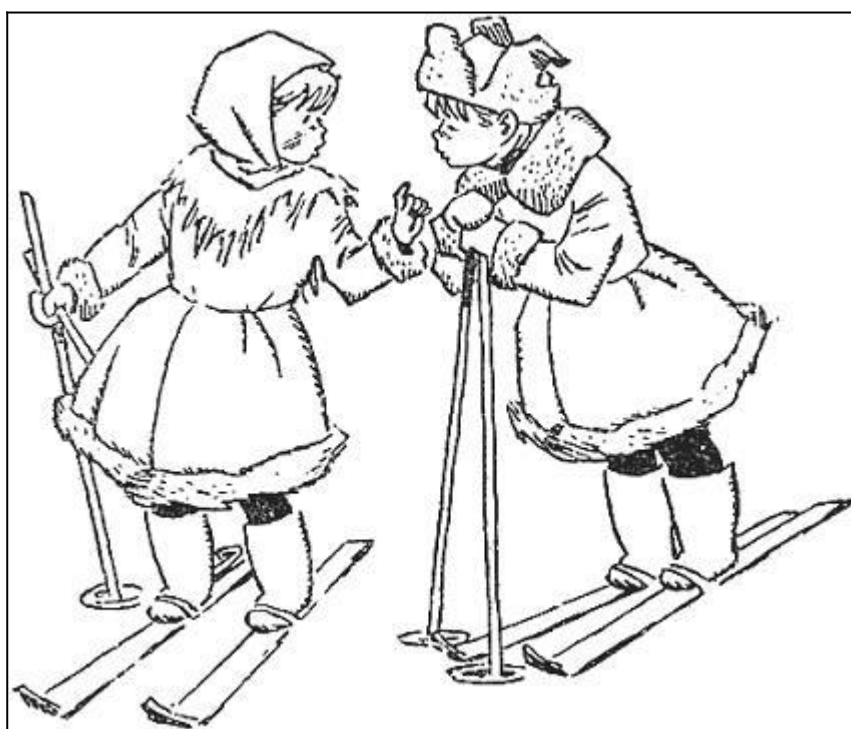
— Спасибо, бабушка Марфа! — сказала и Аринка. Подбежала к бабушке Марфе, обняла её, потянулась поцеловать. Потом поглядела ей в лицо, хотела о чём-то спросить... и не спросила.

— Ну, счастливо! — сказала бабушка Марфа, открыла калитку. — Бегите. А ты, Лёня, скажи дома, что на праздник обязательно к вам приеду. А если лошади не будет, пешком приду.

— Что ты, бабушка, — сказал Лёня, — отец сам за тобой приедет!

— Ну, прощайте! — Бабушка махнула рукой. — А захочется у меня побывать — буду рада. Я защитников слабых очень люблю!

— А тогда вступай в наш отряд! — сказал Лёня и засмеялся.

Очень смешно показалось, что его бабушка может быть в их отряде, где одни только ребяташки. Но бабушка даже не улыбнулась.

— А я уже давно в вашем отряде! — сказала она. — Счастливо!

Лёня удивился, хотел что-то сказать, что-то спросить, но бабушка уже закрыла калитку.

Лёня и Аринка вышли на дорогу.

— Эй вы, кони, мои кони! — крикнул Лёня, и лыжи его засвистели по накатанной снежной дороге.

Аринка не кричала «Эй вы, кони!», но не отставала от Лёни. Она была молчалива, всё думала и думала о чём-то.

А лыжная их дорога всё бежала да бежала к дому. Через большой луг. Через шоссе, где из-за машин был опасный переход. Через пригорки и овражки, по мостам через речки...

Наконец показались знакомые крыши родного колхоза. Теперь уже можно и не спешить, дом недалеко.

— Лёня, а всё-таки скажи, когда ты щёку оцарапал? — спросила Аринка. — Ведь вчера у тебя царапины не было!

— Когда к зайчатам сунулся, вот когда, — ответил Лёня, — а ты потом сказала, будто я хотел зайчат погубить. Будто я нарочно там свои следы оставил, чтобы ни одна зайчиха их кормить не стала!

— Лёня!.. — начала Аринка.

Но Лёня не хотел её слушать.

— Да, ты так сказала! Ты так сказала!

— Я знаю, что сказала! — закричала Аринка. — А что бабушка Марфа нам велела? Ага? Забыл? Бабушка Марфа велела дружбу беречь. Если дружбу потеряешь, потом всё время будешь жалеть. И уж тогда ничего поправить нельзя. Забыл, да?

— А какая это дружба, если ты...

— Ну я же просто так сказала, нечаянно. Мне просто очень жалко было зайчаток!

Лёня остановился:

— Подожди. Так, значит, это всё на самом деле было? Ведь не мог же нам один и тот же сон присниться?

— Ой, Лёня, — сказала Аринка с удивлением, — значит, и вправду было. Вот чудеса-то!

— Потому бабушка и сказала, что она тоже в нашем Отряде Защитников Слабых состоит. Вот оно что!

— Ой, какая у нас бабушка! — У Аринки от радости заблестели глаза. — Мы скоро опять к ней пойдём. Ладно?

— Ладно!

И они, забыв свои обиды и раздоры, побежали домой.

Корней по-прежнему «Всех-Умней»

Лёня был ещё у околицы, а Дружок уже услышал, что он идёт. Дружок выскочил со двора, залаял от радости и бросился ему навстречу. Он вчера весь день ждал Лёню. И всю ночь ждал, всё просыпался, всё прислушивался. И очень тосковал. Разные плохие мысли лезли ему в голову. А вдруг Лёня совсем не вернётся — что тогда? Тогда прямо как и жить, неизвестно. И вообще, если бы Лёня любил свою собаку, разве он оставил бы её так надолго? Разве не взял бы с собой?

Нет, Лёня, значит, вовсе не любит Дружка. Ну, и Дружок тоже не будет больше бегать за ним. Пускай Лёня ходит один, а Дружок будет лежать в своей конуре. Или будет бегать с другими собаками. Вот и всё.

Так думал Дружок, а сам всё время прислушивался, не идёт ли Лёня. Не слышно ли Лёниных лыж? И вот услышал. И обиду свою забыл, и тоску свою. Лёня погладил его по шёлковым ушам, и Дружок сразу всё простил. Потому что он знал, что такое настоящая любовь.

Дружок проводил его под навес, постоял, пока Лёня снял лыжи. Потом дошёл с ним до крыльца. Лёня ещё раз погладил его, и Дружок, совсем счастливый и успокоенный, улёгся в своей конуре. В холодных сенях, у двери в избу, сидел Кот.

— Наконец-то, — проворчал он, — хоть кто-нибудь мне откроет дверь. Все лапы можно отморозить, пока догадаются впустить в избу.

Лёня усмехнулся.

— А ты что думаешь, — сказал он, — я так спешил домой только для того, чтобы тебе дверь открыть?

Кот очень удивился:

— А разве нет? А тогда для чего же тебе было спешить? — Кот первым вошёл в избу.

— Ну вот и наш Алексей!.. — сказала мать. — Как там бабушка?

— Устал? — спросил отец. — Или ничего?

— Ничего! — ответил Лёня. — И у бабушки всё хорошо. На праздник обязательно приедет!

— Ну, значит, праздник у нас будет весёлый, — сказала Феня, — я люблю, когда бабушка приезжает!

— Сколько пустых разговоров, — сказал Кот. — А чтобы налить мне в миску молока, никому в голову не приходит. Неужели они не видят, что я сижу и жду?

— Вижу, вижу, — сказала мать, — сейчас дам.

И налила Коту молока.

Кот попил молока, умылся и отправился спать на Лёнину постель. Он лежал на одеяле и ласково мурлыкал. Сейчас для него уже весь мир был хорош и все люди хороши. Только бы Лёня его не потревожил, когда будет ложиться спать.

Наутро Лёня пошёл к своим друзьям — Феде и Ванюшке.

Вскоре пришла и Аринка. А потом подошёл Корней-Всех-Умней.

И Федя и Ванюшка стали спрашивать, как ходили к бабушке Марфе. Лёня и Аринка всё им рассказали. Они рассказывали про эту волшебную ночь долго и подробно. Если что-нибудь забывал Лёня, Аринка напоминала ему. А если Аринка ошибалась, Лёня поправлял её.

Ребята слушали затаив дух.

— Алексей, — сказал Федя, когда рассказ кончился, — а можно и мы с Ванюшкой когда-нибудь к твоей бабушке пойдём? А?

— Она сама к нам приедет, — ответил Лёня, — тогда и спросим. Думаю, что можно. Она же из нашего отряда!

А Корней-Всех-Умней стоял в стороне и делал вид, что совсем не слушает такую пустую болтовню. Однако он стоял и слушал.

— И всё наврали, — сказал он, — по снегу без лыж никогда не пройдёшь. Сразу провалишься.

— А вот мы не провалились! — запальчиво ответила Аринка.

— И чтобы там все эти зайцы, да птицы, да ещё и Медведь с вами разговаривали?.. Ха! Так я вам и

поверил. Пускай дураки верят. А я дураком никогда не был и никогда не буду.

Корней-Всех-Умней сунул руки в карманы, засвистел и пошёл куда-то.

Что ж поделаешь? Корней, конечно, ничему поверить не мог. Потому что с ним ни одна птица, ни один зверь разговаривать не станут. А если он захочет пройти по сугробам без лыж, то обязательно в снег провалится!

Иллюстрации: Вальк О.